

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ХИРУРГ МАФИИ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Хирург мафии (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Хирург мафии (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-95106-2

Зверски убита медсестра престижного медицинского центра. Прибывшие на место преступления полковники МУРа Гуров и Крячко сразу определили круг подозреваемых. Среди них – бывший наркоман, ведущий хирург центра, главврач. У сыщиков рождаются одна версия за другой... Но все они рассыпаются после того, как в руки оперативников попадает письмо медсестры брату, где она с фотографической точностью описывает человека, преследовавшего ее в последнее время. Гуров и Крячко берут след, еще не зная, что в ближайшее время им предстоит столкнуться с воскресшим мертвецом и раскрыть схему преступного трафика международного уровня.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95106-2

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Хирург мафии	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Николай Иванович
Леонов, Алексей Макеев
Хирург мафии**

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Хирург мафии

Глава 1

Солидный кабинет современной клиники был погружен в полумрак. Единственный предмет освещения, маломощная настольная лампа, едва справлялась с задачей освещения письменного стола, но владельца кабинета это обстоятельство несколько не смущало. Низко склонившись над стопкой бумаг, он быстро заполнял формуляры, практически не задумываясь о том, что делает. Мысли его были далеко от рутинных дел. Эксперимент, задуманный год назад, давал положительные результаты. Еще немного, и можно будет выносить его на суд широкой общественности, а это уже прорыв. Понятное дело, без накладок не обошлось, но они не были критичными. Да, еще немного, и он, бывший детдомовец и беспризорник Женька-Сопля, станет врачом с мировым именем. Приятно? Еще бы! Но не самоцель. Главное, это реальный шанс, который непременно появится у безнадежно потерянных для социума людей.

Эйфорические мечтания настолько далеко унесли пожилого врача из реальности, что он не сразу заметил, что в кабинете уже не один. На пороге стояла молодая симпатичная медсестра, осторожно переминаясь с ноги на ногу и дожидаясь момента, когда босс обратит на нее внимание. Когда их глаза встретились, девушка спросила:

– Евгений Миронович, я вам больше не нужна?

– А? Что? Ах, это ты, Леночка. – Взгляд Евгения Мироновича постепенно выплывал из далекого далека. – Нет, на сегодняшний день мы закончили. Иди, детка, отдыхай. Тебе не повредит немного крепкого, здорового сна, а еще лучше предварить этот процесс прогулкой на свежем воздухе. Где-нибудь в парке или даже в лесочке. В последнее время ты что-то неважно выглядишь. И не смущайся, детка, не смущайся. Кто, как не старший коллега, имеет право затронуть столь деликатную тему? Ты явно недосыпаешь. Дня три, а то и все пять. Я прав?

– Вам показалось, Евгений Миронович. Со сном у меня проблем нет, – скороговоркой произнесла Леночка. Выражение ее лица ясно говорило о том, что вмешательство врача в ее личную жизнь ей неприятно.

– Тогда с чем? – Евгений Миронович не собирался оставлять медсестру в покое.

– Что «с чем»? – непонимающе переспросила она.

– С чем проблемы? Ты только что сама сказала, что со сном проблем нет, следовательно, они затрагивают другую сферу твоей жизни. Вот я и спрашиваю: каков фундамент твоего нестабильного душевного состояния? – терпеливо пояснил Евгений Миронович.

– Уверяю вас, у меня все в порядке. – Леночка с мольбой смотрела на врача, как бы говоря: «Не нужно меня пытаться».

– Что ж, на этот раз я удовлетворю твое желание и не стану ковыряться в твоём мозгу, но если через пару дней не увижу перед собой прежнюю, цветущую и жизнерадостную, Елену, разговор возобновится. – Евгений Миронович знал, когда нужно отступить. – Не забывай, деточка, твой босс – светило отечественной психиатрии. Ему достаточно одного мимолетного взгляда, чтобы понять, что тебя что-то гложет. Так вот, я даю тебе два дня на то, чтобы разобраться со своими страхами самостоятельно. По истечении этого срока беру дело в свои руки. А сейчас иди, Леночка. Счастливого отдыха!

– До завтра, Евгений Миронович, – попрощалась медсестра и выскользнула за дверь.

Евгений Миронович проводил ее долгим взглядом. «Бедная девочка. Такая молоденькая, а, поди ж ты, уже какие-то волнения. Сколько ей? Двадцать три? Двадцать пять? Никогда не мог ни определить, ни запомнить возраст. Что ее тревожит? Не напрасно я отпустил ее без объяснений? Ведь мог же настоять, мог. Ладно, два дня подожду, а там видно будет».

Леночка нравилась Евгению Мироновичу. При ее красоте и стройности фигуры она могла найти себе место поинтереснее. Эффектная девушка. Про таких говорят: все при ней. А если учесть еще и умственные способности, остается только удивляться, как такое чудо оказалось на должности процедурной медицинской сестры в столичном Центре. И неважно, что Экспериментальный центр являлся более чем престижным заведением даже по меркам Москвы. Все же квалификация Леночки была явно выше той, что требовалась для выполнения профессиональных обязанностей обычной медсестры.

Она появилась здесь всего несколько месяцев назад. Любвеобильный Альберт Константинович, занимавший должность главного врача Экспериментального центра, пытался перетянуть Леночку в личную приемную, предлагая ей место чуть ли не своей правой руки, но умная девочка предпочла работу в отделении реабилитации после лечения наркологической зависимости. Видимо, Леночка еще в детстве усвоила закон армейских будней, гласивший: «Подальше от начальства, поближе к кухне». Роль «доброго повара» в этой пьесе играл Евгений Миронович, и он искренне надеялся, что девочка не прогадала с выбором.

За первый месяц пребывания в Центре Леночка успела зарекомендовать себя ответственным, а главное, бескомпромиссным работником. Она никогда не шла на поводу у избалованных пациентов Центра, привыкших, что любая их просьба воспринимается окружающими как нечто непреложное и обязательное к исполнению. Ей легко удавалось пресекать поползновения представителей мужского пола, относящихся к так называемой золотой молодежи, и при этом оставаться лучшим другом каждого, кто по той или иной причине оказался запертым в стенах Центра.

Евгений Миронович по достоинству оценил способности девушки и взял ее под свое крыло. С тех пор прошло больше шести месяцев, и за этот период он ни разу не пожалел о своем решении. Леночка придерживалась того же мнения. По крайней мере, раньше так было всегда. В этом Евгений Миронович тоже не сомневался. Он называл себя «светилом отечественной психиатрии» не из непомерных амбиций, а просто констатировал факт. И он был уверен, что его квалификации более чем достаточно для того, чтобы диагностировать поведение медсестры в последние дни как депрессивно-маниакальный психоз. Единственное, чего не мог определить Евгений Миронович, – это причину, вызвавшую резкие перемены в ее эмоциональном состоянии.

В отношении причин он мог делать лишь предположения, но все они могли оказаться далеки от истины. Самой актуальной выглядела версия о возникновении чересчур навязчивого поклонника. Леночка была не просто симпатичной девушкой. На взгляд Евгения Мироновича, она была божественно красива. И это мнение разделяли практически все сотрудники Центра, относящие себя к представителям мужского пола традиционной ориентации. Стоило ей появиться на горизонте, как шевеление определенных гормонов заставляло ощущать дикое томление в чреслах всю мужскую половину сотрудников. Знала ли она о том эффекте, что производила на мужчин? Евгений Миронович склонен был думать, что лишь отчасти. К своей внешности она относилась довольно спокойно, чего нельзя было сказать о мужчинах, навонивших Центр.

Второй причиной могли оказаться неудовлетворенные амбиции. Профессиональные, естественно. Но на этот вариант Евгений Миронович не стал бы ставить чересчур много. Он считал, что как раз в профессиональном плане Леночка знает свою истинную цену, только предпочитает оставаться в тени. Быть может, это юношеский максимализм заставлял ее отказываться от карьерного роста. Изменить человечество – кто в неполные двадцать пять лет не мечтает о таком?

Третью причину Евгений Миронович определял как «синдром прошлого». О прошлом Леночки ему мало что было известно. Она не относилась к разряду людей, любящих обсуждать данную тему. В том, что жизнь Леночки, до того как она оказалась в Центре, была лишена

беззаботности и легкости, Евгения Мироновича убеждать не было необходимости, исходя из того, что она тщательно оберегала свое прошлое от окружающих.

– И снова эти загадки, – произнес он вслух, отвечая на свои мысли. – Чем же тебе помочь, девочка? Боюсь, пока ничем.

Минуту спустя он отбросил беспокойные мысли о медсестре и с головой погрузился в заполнение нескончаемых формуляров. Как ни отвратителен был для него данный процесс, он понимал, что без него о продвижении эксперимента не может быть и речи.

А Леночка, покинув кабинет босса, направилась напрямик домой. Правда, путь, который она намеревалась проделать, кардинально отличался от ее привычного маршрута. С некоторых пор она была вынуждена отказаться от короткого пути, а если точнее, то в последние четыре дня. Вместо того чтобы идти на автобусную остановку и дожидаться рейсового автобуса, следовавшего практически до ее временного жилья, снимаемого в складчину с двумя певичками из столичного академического театра, она проделывала широкий круг по кольцевой метро. Только после этого, таясь и озираясь, усаживалась в автобус и ехала домой. Но сегодня и эти ухищрения не принесли желаемого результата. Ее преследователь, о существовании которого еще неделю назад она и не подозревала, на этот раз просчитал ее маршрут. В настоящий момент он расположился в том же вагоне электрички, что и она. Всего в нескольких шагах от нее.

Со стороны никто бы не подумал, что здоровый детина, в утепленной куртке и нахлобученной на брови вязаной черной шапочке, наблюдает за красивой девушкой. Но Лена знала об этом наверняка. Он следовал за ней по пятам вот уже несколько дней. Его присутствие выбивало почву из-под ног, заставляло кровь пульсировать быстрее. Ее станция приближалась, но девушка никак не могла решиться выйти. Что делать? Как избавиться от преследователя? И какова вообще причина, по которой он следит за ней? Она не иностранный резидент, не тайный агент московской полиции. Вполне заурядная лимитчица, поселившаяся в столице исключительно по причине крайней необходимости. Так чем же она привлекает его внимание?

Механический голос объявил название станции, на которой ей требовалось сделать пересадку, но она не двинулась с места. Просто не нашла в себе силы. «Что делать? Куда податься?» – пульсировало в мозгу. Двери вагона плавно поехали друг на друга. И тут, в самый последний момент, девушка рванула к выходу. Ноги коснулись платформы как раз в тот момент, когда двери окончательно сдвинулись. Она обернулась и удовлетворенно хмыкнула, увидев неподдельное удивление на лице преследователя. Выскочить следом за ней у него не было ни единого шанса. «Вот и славно, – пронеслось в голове. – Покатайся, дружок, а я пока все обдумую».

Спустя пару минут, преодолев подъем эскалатора, Леночка уже набирала номер телефона одной из сотрудниц Центра. Звонила она Камилле Войновой, девушке, работавшей операционной медицинской сестрой при хирургическом отделении Центра. Кама, как сама она просила себя называть, была невероятно общительным человеком. Хотя проработала в Центре чуть больше трех месяцев, но Лена не без оснований предполагала, что в ее квартире побывала добрая половина персонала клиники. И тому была причина. Кама просто не терпела одиночества. Она зазывала к себе в гости всех, с кем хоть раз пересеклась в вестибюле, столовой или на парковке Центра. Фраза, которой она предваряла свое предложение, была настолько обезоруживающей, что мало кто мог отказать девушке. «Почему бы вам не посетить мое скромное жилище? В столице без друзей так одиноко», – скромно потупив взор, заявляла она, и потенциальная жертва соглашалась мгновенно. Да и кто бы смог отказать этому ангельскому созданию в столь скромной просьбе?

До этого дня Леночка предпочитала отговариваться ненормированным рабочим днем, который предполагала должность помощника директора главного экспериментального проекта Центра. На ее заявление Камилла лишь смиренно улыбалась и произносила одно из многочисленных изречений, которыми буквально кишел ее мозг: «Был бы достаточный сти-

мул, а время найдется». И добавляла: «Я подожду». Похоже, ожиданиям Камы суждено было сбыться гораздо раньше, чем предполагала Елена. Стимул к посещению апартаментов скромной хирургической сестры, предоставленных в ее распоряжение высокопоставленным отцом, сейчас катил по Садовому кольцу. Ехать домой Лена попросту боялась. А раз так, то почему бы не воспользоваться гостеприимством коллеги? В любом случае это гораздо безопаснее, чем возвращаться в свое скромное жилище.

Оказавшись на улице, она выудила из сумочки телефон и, отыскав номер Камиллы, нажала кнопку вызова. Девушка ответила мгновенно, будто только и делала, что ждала звонка.

– Камилла, привет! – смущаясь, произнесла Елена. – Я тут недалеко от твоего дома.

Произнести что-либо еще она не успела, так как в трубке тут же зазвучал жизнерадостный голос:

– О, Леночка! Как хорошо, что ты позвонила. А я тут голову ломаю, чем бы таким интересеньким занять свободный вечерок? Подгребай ко мне. Развлечемся. Адрес помнишь? – Камилла быстро продиктовала адрес, и из трубки полились короткие гудки. Лена облегченно вздохнула. По крайней мере, не пришлось объяснять причину внезапного порыва дружелюбия с ее стороны. Дом, где обитала Камилла, был ей знаком, даже с картой не пришлось сверяться. Секундное раздумье, и Елена решительно направилась по указанному адресу, на ходу придумывая причину проснувшейся женской солидарности.

Полковник Главного управления по особо важным делам Стас Крячко припарковал свой автомобиль на полупустой стоянке при Экспериментальном центре. Настроение у него было не ахти. Честно говоря, воскресное утро, в кои-то веки выдавшееся свободным, он предпочел бы провести в более располагающем месте. Даже банальное ничегонеделанье в постели холостяцкой берлоги полковника привлекало его куда сильнее, чем данный визит. Но так уж устроена жизнь. Стоит тебе размяться о возможности понежиться лишних пару часиков в теплой постельке с какой-нибудь симпатичной особой, как тут же находится тысяча причин, по которым осуществить свои мечты ты не сможешь. И тут хоть злись, хоть кричи, а долг будет взывать к твоей совести до тех пор, пока не вырвет тебя из объятий красоты и не бросит в лапы жестокой реальности.

«И почему я всегда веду на такие заявления? – мысленно ворчал Крячко, покидая салон авто. – Надо было настоять на переносе встречи». Но он знал: перенести визит было невозможно. Раз уж Женек позвал его в воскресенье, значит, так тому и быть. В конце концов, давний приятель, с которым Крячко пересекся в одном из санаториев столицы в тот момент, когда его здоровье оставляло желать лучшего, обращается к нему с просьбой о помощи впервые. Женьке Ухтомцеву он был обязан если не жизнью, то возможностью передвигаться «на своих двоих» – точно. В тот период он переживал не лучшие времена. Пулевое ранение в бедро начисто лишило его подвижности. Врачи в один голос твердили, что боли в бедре являются фантомными. Проще говоря, мозг Станислава поставил блокировку двигательным центрам, вследствие чего он лишился возможности ходить. Только благодаря Женьке, его профессиональным способностям, смог побороть фантомные боли и снова начать ходить. И как в подобной ситуации отказать в помощи? Бесспорно – никак. Вот по этой причине он в воскресное утро и находился возле дверей Экспериментального центра, где с недавних пор обретался Женька.

Миновав вестибюль, пустынный в это время суток, Стас прошел к стене с висевшими на ней телефонными аппаратами внутренней связи. Предупредительный охранник сообщил добавочный номер, по которому можно вызвать профессора Ухтомцева. Набрав три цифры, Крячко приготовился к долгому ожиданию. Вопреки его предположениям, профессор ответил сразу. Стасу показалось, что Женька чересчур радостно отреагировал на его заявление о прибытии. Он попросил подняться на лифте на третий этаж, заявив, что будет ждать его у лифта.

Так и вышло. Как только двери лифта открылись, взору Крячко предстала кряжистая фигура психиатра. Русые волосы, до сих пор не потерявшие густоты, были всклокочены. Руки, длине которых могли позавидовать гориллы, плетью болтались вдоль туловища, упакованного в дорогой, но изрядно помятый костюм. Ворот белой сорочки зывал о стирке. Лицо профессора, хоть и одухотворенное, буквально кричало о необходимости полноценного, здорового сна. Землистый цвет лица в сочетании с карими глазами, работавшими на контрасте со светлыми волосами, производил впечатление внеземного происхождения данного индивидуума.

– Стас! Приехал-таки! Рад тебя видеть, дружище! – Ухтомцев схватил протянутую ладонь Крячко и энергично потряс ее.

– И тебе не хворать, профессор, – улыбаясь, ответил Станислав. – Как жизнь молодая?

– Твоими молитвами, – рассмеялся Ухтомцев. – Как самочувствие? Бедро не беспокоит?

– А ты, никак, решил совместить приятное с полезным и продиагностировать старого друга? – шутливо заметил Крячко.

– Отнюдь, отнюдь. Всего лишь профессиональная привычка, – заявил Ухтомцев. – Ты здесь исключительно ради моих исследований.

– Быть может, пройдем в твой кабинет? – переключаясь на рабочий лад, предложил Стас. – Вести приватные беседы в коридоре как-то стремно, ты не находишь?

– Да, конечно. Следуй за мной, – тут же согласился Ухтомцев.

Дойдя до двери с выгравированной на табличке фамилией профессора, он притормозил и осторожно произнес:

– Я изложил свой вопрос в электронном письме. Ты помнишь, о чем там речь?

– В общих чертах, – чуть смущенно признался Крячко. На самом деле он не читал письма целиком. В принципе, заниматься этим он и не собирался, но признаться в своем неведении все же не решился.

– Ерунда! Я сам тебе прочту, – расслышав фальшь в голосе Крячко, произнес Ухтомцев и, сделав приглашающий жест, добавил: – Заходи, здесь нам никто не помешает.

Крячко прошел в кабинет, осмотрелся и одобрительно проговорил:

– Солидное помещение.

– Начальство постаралось, – признался Ухтомцев. – Располагайся где тебе удобнее.

Станислав остановил свой выбор на стоящем отдельно от остальных кресле. Оно было новехонькое. «И муха не сидела, – подумал он. – Неплохое начало». Вслух же сказал:

– А ты нехило устроился.

– Серьезные исследования требуют соответствующего обрамления, – меланхолично ответил Ухтомцев.

– Ну да, ну да, – протянул Стас, плюхаясь в удобное кресло.

– Кофейку? – кивнул профессор. – С утра самое то.

– Не откажусь, – согласился Крячко. – Если только за ним не придется бежать в соседний кафетерий.

– Как можно? – притворно ужаснулся Ухтомцев. – Все, что нам может понадобиться, включая высококачественный напиток, мы можем получить, не выходя из этого кабинета.

– Тогда валяй!

– Не знаю, получится ли у меня так же вкусно, как обычно выходит у моей ассистентки, но я сделаю все возможное, – сказал Ухтомцев и скрылся в смежной комнате.

Минуту спустя оттуда донесся звук открываемого крана и дребезжание посуды. Вскоре профессор вернулся, неся на подносе две чашки дымящегося напитка. В центре подноса красовалась ваза с печеньем. Дополнительного приглашения Крячко не стал ждать. Обхватив чашку руками, он отхлебнул напиток и закатил глаза:

– У-м-м! Божественно! Просто нектар!

– Рад, что угодил, – не притрагиваясь к своей чашке, произнес Ухтомцев.

– Итак, приступим к делу? – правильно оценив реакцию приятеля, предложил Станислав.

– Если ты не против, – смущенно улыбнулся Ухтомцев.

– Для этого я и здесь, – серьезно ответил Крячко. – Выкладывай, в чем заключается твоя проблема?

Ухтомцев вздохнул, несколько секунд пристально вглядывался в лицо Стаса, потом, наконец, заговорил:

– Возможно, ты в курсе, что я занимаюсь проблемами реабилитации наркозависимой молодежи. В данный момент мои исследования подошли к той стадии, когда необходима помощь извне. Профессиональная помощь. В своем роде, конечно, но профессиональная. – Он снова вздохнул. Слова давались ему с трудом.

Крячко понял, что тот боится сболтнуть лишнего, и решил облегчить процесс откровения друга.

– По всей видимости, ты столкнулся с проблемой, касающейся реабилитации индивидуумов криминального толка, – начал он.

– Это не совсем верное утверждение, но суть ты уловил, – перебил его Ухтомцев. – Меня интересует классическое поведение наркозависимой молодежи в аспекте их уголовного прошлого. Что говорит статистика, я в курсе. Мне же более важен взгляд практикующего опера на проблемы преступности среди наркоманов. Как считаешь, сможешь просветить меня на этот счет?

– Если прекратишь сыпать книжными терминами и перейдешь к обычной разговорной речи, то дело пойдет куда быстрее, – сдерживая улыбку, произнес Крячко.

– Ладно. По-простому так по-простому, – не стал возражать Ухтомцев. – Давай начнем с житейских примеров. В нашем Центре в настоящий момент находятся порядка десяти пациентов, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности. Не за распространение наркотиков или за что-то подобное, нет.

– А за что же? – не удержался от вопроса Станислав.

– В основном за кражи, – помедлив, ответил Ухтомцев.

– Какого рода кражи? Стырил сотню баксов из папашиного бумажника?

– Магазинные кражи, уличные ограбления, по-вашему разбой. Продажа ценностей, принадлежащих семье. Что-то в этом роде, – стал перечислять профессор.

– И чем же тебя интересует данный аспект жизни наркоманов? – Крячко никак не мог взять в толк, что от него требуется.

– Насколько вероятен рецидив?

– Ты хочешь знать, какое количество наркоманов, прошедших курс реабилитации, готовы вернуться к прошлому и ради очередной дозы снова начать воровать? Так я тебе отвечу. Без обиняков, так сказать. В процентах цифра будет «сто».

– То есть все мои пациенты, ранее замеченные в воровстве, непременно станут делать это снова, лишь бы получить дозу?

Крячко лишь коротко кивнул.

– Что ж, я так и думал, – задумчиво протянул профессор. – Теперь следующий вопрос.

Он задавал вопросы на протяжении часа, и Крячко терпеливо отвечал. После того как вопросы закончились, Ухтомцев внезапно предложил:

– Хочешь пообщаться с моими пациентами?

– Это еще зачем? – искренне удивился Стас.

– Кто знает, быть может, после общения твое отношение к ним изменится, – пожал плечами профессор.

Чтобы не обижать приятеля, Крячко согласился, и они прошли в западное крыло, где располагались палаты.

– Здесь у нас довольно строго. Только одноместные палаты. На окнах решетки, смотровое окно в двери. Ничего не напоминает? – проходя вдоль рядов дверей, произнес Ухтомцев.

– Правильное решение, – отвечая скорее мыслям профессора, нежели словам, сказал Крячко. – Чем меньше твои пациенты общаются между собой, тем для реабилитации лучше.

Они миновали еще несколько дверей, и вдруг Ухтомцев так неожиданно остановился, что Стас чуть не налетел на него.

– Что за... – удивленно протянул профессор, глядя в дальний конец коридора.

– Что-то не так? – насторожился Крячко.

– Пока не знаю. Комната для медсестер открыта.

– А этого быть не должно. Итак, профессор, вы получили лаконичный ответ на свой вопрос. Полагаю, здесь хранятся медикаменты, которые вы используете при проведении курса лечения.

– Да, все так, – не стал отпираться Ухтомцев.

– И сейчас она открыта, хотя в этот час ей надлежит быть накрепко запертой.

– Совершенно верно.

– Не хочешь взглянуть поближе и оценить материальный ущерб, нанесенный твоими «пациентами»? – спросил Крячко. Губы его при этом кривились в скептической улыбке.

– Полагаю, данной процедуры не избежать, – ответил Ухтомцев, возобновляя движение.

К комнате для медсестр они подошли одновременно, но в приоткрытый дверной проем Крячко все же успел заглянуть первым, и одного взгляда оказалось достаточно. Ухтомцев уже собирался взяться за ручку двери, но Станислав резким движением остановил его:

– Не советую что-либо здесь трогать. Следственной бригаде это выполнение задачи не облегчит.

– Не понимаю, о чем ты? – Брови профессора поползли вверх.

– Боюсь, здесь произошло убийство, – спокойно ответил Крячко. – И в интересах следствия я попрошу тебя не входить в комнату и даже дверную ручку не трогать. Хоть сомневаюсь, что криминалисты смогут снять с нее качественные отпечатки пальцев убийцы.

– Какого убийцы, Стас, ты бредишь?! – воскликнул Ухтомцев, делая очередную попытку протиснуться внутрь, но Крячко был начеку.

– Оставайся на месте, Женек, – настаивал он. – Тот, кого ты хочешь увидеть в этой комнате, давно уже потерял способность передвигаться, говорить, даже дышать.

– Стас, я тебя не понимаю. Можешь толком объяснить, что там произошло?

– В твоих владениях произошло убийство, – сообщил Крячко. – Подробности тоже интересуют?

Ухтомцев больше не мог выдержать, отпихнув полковника в сторону, он прорвался в комнату и застыл как вкопанный. В центре на полу лежала девушка. Некогда белый халат теперь стал полосатым. Кровавые полосы прочерчивали белизну ткани поперек туловища. Глубокая, ужасающего вида рана расплосовала горло от уха до уха. Оттуда на белый кафель натекла приличная лужа. Несколько секунд Ухтомцев созерцал представшую его взору картину, после чего издал приглушенный вздох и плавно осел на пол.

Глава 2

– Докладывай, что тут у нас, – потребовал полковник Гуров, прибывший в Экспериментальный центр спустя тридцать минут после поступившего от Крячко звонка.

В этот день было его дежурство, поэтому Стасу не пришлось выдергивать друга из теплой постели. Гуров приехал не один, а вместе со следственной группой. Криминалисты и патологоанатом занялись трупом, а он сразу прошел в кабинет профессора Ухтомцева. Тот сидел возле окна, рассеянным взглядом осматривая открывающийся ландшафт, и время от времени тихо стонал. Увиденное выбило его из колеи гораздо сильнее, чем мог предположить Крячко, когда сообщал о случившемся. На то, чтобы привести профессора в чувство, потребовалось минут десять, но и после того, как сознание вернулось к Ухтомцеву, свидетелем он был никаким. С большим трудом Крячко удалось получить от него самые необходимые сведения, но дальше этого дело до приезда Гурова не сдвинулось.

Ухтомцев сообщил, что убитая работала в наркологическом отделении процедурной медицинской сестрой, а на общественных началах помогала ему в исследованиях. Девушку звали Елена Баландина. В Центре она работала чуть больше семи месяцев. Проживала в Москве на съемной квартире, оплату которой компенсировала клиника. Ни с кем из персонала за это время особо не сошлась и, по наблюдениям профессора, не стремилась к этому. В последний раз Ухтомцев видел Елену накануне вечером и сегодня ожидал ее прихода не раньше девяти вечера. Были ли у девушки враги, он не знал, однако заметил, что в последнее время ее что-то беспокоило. Не далее как в пятницу он даже пытался выяснить причину ее тревоги, но действовал недостаточно активно. Лена ушла от ответа, и Ухтомцев, посчитав ее нежелание обсуждать личные дела правомочным, от дальнейших расспросов воздержался. Как оказалось, напрасно. Видимо, именно этот факт угнетал его больше всего.

До прибытия Гурова Крячко мало что успел – мельком осмотреть место преступления да отдать приказ запретить всякие передвижения по отделению. Сделать это оказалось довольно просто. Практически все помещения на этаже имели наружные замки, большинство из которых в ночное время держали закрытыми. Те же, что оставались открытыми, в спешном порядке закрыли, и Станислав смог спокойно расположиться в кабинете профессора, где и встретил Гурова.

– Ситуация такова, – начал он доклад, как только Гуров вошел. – В «сестринской», служащей манипуляционным кабинетом, обнаружен труп Елены Баландиной, процедурной медсестры. Двенадцать ножевых ранений, нанесенных острым предметом. Расположили ее конкретно, Лева.

– О, ужас! Как такое вообще могло случиться? – услышав слова Крячко, снова застонал Ухтомцев. – Просто в голове не укладывается!

Гуров перевел вопрошающий взгляд с профессора на Крячко, и тот поспешно доложил:

– Профессор Ухтомцев Евгений Миронович, заведующий наркологическим отделением. Это по его просьбе я сегодня здесь.

– Понятно. В манипуляционной хранятся медикаменты, я полагаю? – уточнил Лев.

– Так точно. Препараты довольно сильные, если ты понимаешь, о чем я, – ответил Крячко. – Думаю, стремление получить дозу кем-то из пациентов клиники будет нашей основной версией.

– Да что ты такое говоришь, Стас! Этого просто не может быть! – снова подал голос Ухтомцев.

– Почему же нет? – заинтересовался Гуров.

– Да потому что у нас тут строгая система реабилитации. Все пациенты, сохраняющие нестабильность поведения, изолированы в одиночных боксах, которые постоянно на замке. Покинуть бокс без сопровождения медицинского персонала совершенно невозможно.

– Как показывает практика, а у меня по этому вопросу она ох как богата, для наркомана со стажем нет ничего невозможного, – перебил его Крячко.

– Не знаю, какова твоя практика, Стас, а мои наблюдения показывают совершенно противоположное. Я понимаю, ты не веришь в полное излечение наркотической зависимости, но мы здесь для того и сидим, чтобы опровергнуть привычные стереотипы. И поверь мне, в этом направлении мы достигли невероятных результатов, – повысил голос Ухтомцев.

– И один из ваших «невероятных результатов» находится сейчас в манипуляционной с перерезанным горлом, – едко заметил Станислав.

– Давайте на время оставим в покое теологические споры и поговорим о более насущных делах, – мягко остановил обоих Гуров. – Мне нужен список всех, кто находился ночью в помещении, плюс полный список сотрудников и журнал посетителей, если таковой имеется. Вы в состоянии подготовить все это в кратчайшие сроки?

– По сотрудникам я информацию подготовлю, – приосанившись, важно ответил профессор. – Что же касается пациентов, то вынужден вам отказать. Лечение в Центре носит сугубо конфиденциальный характер. Мы подписываем документы, гарантирующие исключительную анонимность для всех пациентов.

– Прошу вас, увольте меня от высокопарных высказываний. Я не требую от вас истории болезней пациентов. История их жизни меня несколько не интересует. Пока, по крайней мере. При сложившихся обстоятельствах я обязан знать, с кем имею дело. Не заставляйте меня действовать жестко, профессор, это не в ваших интересах, – поморщившись, произнес Гуров.

– Я должен доложить о вашем требовании главврачу и получить его одобрение, – сбавил тон Ухтомцев.

– Только побыстрее, – поторопил Гуров и обратился к Крячко: – Пойдем, Стас, посмотримся.

Когда Ухтомцев начал набирать номер телефона главврача, Гуров и Крячко вышли из кабинета.

– И как это тебя угораздило вляпаться в кровавую историю с утра пораньше? – проворчал Лев.

– Сам в шоке. Приехал товарищу помочь. Профессиональная консультация, так сказать, а тут такое. Жалко девушку, молоденькая совсем. И такая красивая, – вздохнул Крячко. – Поймаю уroda, до конца жизни за решетку засажу.

– Ты сначала поймай, – отмахнулся Гуров, входя в «сестринскую».

Картина, представшая его взору, к шуткам не располагала. Девушка лежала в центре комнаты. От количества ран и кровавых пятен, забрызгавших большую часть предметов, находящихся в манипуляционной, бросало в дрожь. Криминалисты трудились молча. Патологоанатом, склонившись над трупом, наговаривал текст на диктофон.

– Здорово, Кириллыч, – поздоровался с ним Гуров. – Чем порадуешь?

– Привет, Гуров, – коротко кивнул тот. – Для радости причин пока нет. Девушка убита острым предметом, предположительно скальпелем. Думаю, с выбором орудия убийства убийца особо не заморачивался, воспользовался тем, что первое под руку попало. Одно могу сказать точно: умерла девушка после первого же удара, который пришелся на горло. Остальные были нанесены уже после смерти, но убийца, по всей видимости, ее кончины не заметил.

– Это точно? – переспросил Гуров.

– Почти на сто процентов. Да ты посмотри сам, что он с ней сотворил. Тут никаких специальных знаний не требуется. Если бы девушка была жива, пока он ее кромсал, наверняка орала бы на всю больницу, а тут тишина. Как такое возможно?

– Кляп, – предположил Крячко.

– Следы бы остались, – не согласился патологоанатом. – А у нас губы целы, видимых повреждений гортани нет. Но дожидаться вскрытия все равно не помешает.

– В комнате что-то трогали? Я имею в виду шкафы с медикаментами? – спросил Гуров.

– Визуально следов взлома шкафов с препаратами не наблюдается, разве что убийца воспользовался ключом, – ответил один из криминалистов. – В шкафах идеальный порядок. В спешке, с которой должен был действовать убийца, такой порядок сохранить трудно.

– Можно предположить, что убийца получил то, за чем сюда явился, до появления девушки. Быть может, она застала его уже выходящим из процедурной. Он запаниковал, схватил скальпель и располосовал ее, – предположил Крячко.

– Предположения – это уже ваша область, – пожал плечами криминалист. – Разбирайтесь. Мы же предоставляем голые факты.

– Что по поводу отпечатков пальцев? – без особой надежды спросил Гуров.

– Масса. Человек десять тут точно отметились. Местная уборщица явно не из числа поборников стерильности, – хмыкнул криминалист.

– Все равно следует собрать все, что только возможно, – заметил Гуров и снова обратился к Крячко: – Значит, так, сейчас идем по палатам. Опрос будем проводить синхронно, чтобы время не терять. Ты по левой стороне, я по правой.

– Списки ждать не будем? – уточнил Стас.

– Не стоит. У нас еще будет время сопоставить информацию профессора с личными наблюдениями.

– Палаты закрыты, – напомнил Крячко.

– Думаю, с этой проблемой ты справишься, – слегка улыбнувшись, ответил Лев. – Отправляйся к профессору, пусть выделит человека с ключами.

– Понятно, как что-то неприятное, так сразу Крячко, – проворчал Станислав, направляясь к двери.

– И поторопись, – напутствовал Гуров. – Не забывай, кто на этот раз втравил нас в историю.

Находящиеся в комнате дружно рассмеялись, а Крячко обреченно поплелся к Ухтомцеву. Спустя некоторое время он вернулся. Его сопровождал солидного вида санитар, державший в руках увесистую связку ключей. Потрясая кольцом, он спросил:

– Кому тут наши придурки понадобились?

– Как мило, – усмехнулся Гуров. – Я смотрю, у вас тут полное взаимопонимание и любовь. Отечественная медицина в действии?

– Чего? – не понял юмора санитар и переспросил: – Так кто палаты осматривать хотел?

– Веди, друг. Мы с полковником Крячко и осмотрим, – ответил Лев.

– Ничего себе! Наши придурки визита полковника удостоились? Вот умора! – туповато улыбаясь, проговорил санитар. – А я живого полковника только раз в жизни и видел. Когда он к нам на излечение попал.

– Прости, брат, мы не по этой части, – вклинился Крячко. – Нам ваших местных приколов не понять. Мы с полковником Гуровым больше по водочке прикалываемся, верно, Лева?

Гуров не ответил. Санитар понимающе улыбнулся и вышел в коридор. Открыв палату номер двенадцать, расположенную по правой стороне, жестом предложил одному из полковников пройти внутрь. Лев взглянул на Станислава, но тот, отвесив шутливый реверанс, произнес:

– Предлагаю по старшинству, полковник.

Гуров вошел в палату, а санитар быстро закрыл за ним дверь. Замок щелкнул, сообщая о том, что путь к отступлению отрезан. На постели возлежал молодой парень. На вид ему было лет двадцать пять, не больше. Цветущий румянец никак не вязался с представлением Гурова о

законченных наркоманах. «Быть может, заявление профессора об эффективности его метода лечения не так далеко от истины», – промелькнуло у него в голове.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался парень. – Не просветите, с чего весь сыр-бор?

– Что вы имеете в виду? – осторожно поинтересовался Лев.

– Я тут уже три месяца, и все это время распорядок был неизменный, – пояснил парень. – А сегодня все иначе. Закрыли без всяких объяснений, завтрак не принесли, беготня по коридору. Что-то случилось?

– Случилось. Собственно, из-за этого я здесь, – произнес Гуров и замолчал.

Не дождавшись продолжения, парень снова заговорил:

– Так что случилось в Ухтомцевском королевстве? Рецидив у подопытного? Представляю, как разочарован мэтр.

– Мэтр – это Ухтомцев? – улыбнулся Гуров.

– Кто же еще, – рассмеялся парень. – Он ведь у нас местный гуру по части возвращения совести выпавшим из социума элементам.

– Мне показалось или я действительно услышал в вашем голосе нотки пренебрежения к профессору?

– Что вы, как можно! Не вздумайте повторить этого в его присутствии! – в притворном ужасе возопил парень. – Господин Ухтомцев – гений отечественной психиатрии, а его метод лечения наркотической зависимости – настоящий прорыв в данной области. – Высокопарную фразу подпортила кривоватая усмешка, скривившая губы парня.

– Значит, вы не верите, что с помощью методики профессора Ухтомцева способны избавиться от пагубной привычки? – попытожил Гуров.

– Отнюдь. Я абсолютно уверен, что выйду отсюда совершенно другим человеком. Проблема в том, что я не хотел становиться другим. Поверьте мне, пребывать в состоянии эйфории от действия наркотика я находил гораздо более гуманным, чем окунаться в страшные реалии жизни. Но кого интересует мнение какого-то наркоши? Хотите узнать, как я попал сюда?

Гуров пробурчал нечто неопределенное, на что парень живо отреагировал:

– Вот видите, вам абсолютно неинтересно, что произошло в моей жизни. И родителям моим это было неинтересно. И моей девушке тоже. Бывшей девушке, как вы понимаете. А знали бы они, какое блаженство испытываешь под действием мескалина! Да, да, вы не ослышались. Я не принадлежу к разряду конченных наркоманов. Всего лишь мескалин, ничего больше. Это вам не ЛСД, не опиаты и уж тем более не героин. Тем не менее мои предки считали подобные шалости недопустимыми, несмотря на то что я никогда не сидел на их шее и не кланчил деньги на дозу. Почему, спрашивается, я не имею права сам выбрать свою судьбу? Почему, я вас спрашиваю?

Слова, которые произносил парень, должны были бы звучать возбужденно, со страстью, но произносил он их скорее по привычке, нежели активно переживая то, о чем говорил. Контраст поражал. Все равно как если бы обычный человек говорил об убийстве близкого родственника в юмористическом контексте. В голове у Гурова вновь возникла мысль, что методика Ухтомцева может оказаться действительно стоящей.

– Для начала предлагаю познакомиться, – игнорируя душеизлияния парня, предложил он. – Меня зовут Лев Иванович Гуров. Полковник полиции. Московский уголовный розыск.

– Уголовный? – На этот раз в голосе парня послышалась настоящая заинтересованность. – Вы сказали «уголовный»? В Центре кого-то кокнули? Не может быть! При таком страшном контроле? И кого пришили? Надеюсь, не Ухтомцева?

– А вы бы расстроились? – машинально спросил Гуров.

Такой реакции Лев никак не ожидал. Парень подскочил на кровати, вцепившись ладонями в матрац. Лицо его стало цвета простыни, которые в этом заведении отличались исключительной белизной. Дрожащим голосом он произнес:

– Скажите, что вы пошутили. Пожалуйста, только не профессор!

Еще немного, и из глаз парня наверняка потекли бы слезы.

– С профессором Ухтомцевым все в порядке, – поспешил успокоить его Гуров. – Он сейчас в своем кабинете, готовит кое-какие документы.

– Это хорошо. Очень хорошо, – облегченно вздохнув, заявил парень.

– Готов поклясться, минуту назад вы думали иначе, – заметил Лев.

– Ерунда! Забудьте все, что я вам наговорил. Можете считать, я репетировал речь, которую собираюсь произнести перед родителями после моего освобождения, не более. Просто не хочу, чтобы они считали, что я их вечный должник из-за того, что они поместили меня в эту клинику.

– А разве это не так?

– Неважно. Если я признаюсь им в этом, моя жизнь как личности окончена. А разве ради этого я долгих три месяца терпел измывания профессора? Нет, нет и еще раз нет! Я хочу выйти отсюда совершенно свободным человеком. И от наркотиков, и от родителей, – с горячностью заявил парень. – Вы считаете, это чересчур?

– Ну почему же? Каждый человек достоин свободы. Если он не совершил преступления, разумеется, – слегка улыбаясь, ответил Гуров и тут же перешел к делу: – Скажите, прошедшей ночью вы не слышали шума в коридоре?

– Шума? Какого шума? – не понял парень.

– Шум борьбы, крики или какие-то другие непривычные звуки, – пояснил Гуров.

– Ничего такого я не слышал. С семи вечера, сразу после ужина, в клинике установлен режим тишины. Это значит, что никто из пациентов не имеет права ходить по коридору и нарушать покой остальных пациентов. Как я уже говорил, здесь довольно строгие правила, нарушать их пациенты не решаются. Себе дороже. – Парень помолчал, потом тихо спросил: – А что все-таки произошло?

Ответить Гуров не успел. Из коридора донесся голос Крячко:

– Лева, дуй сюда! Скорее!

Одновременно с криком в дверях палаты появилась голова санитара. Потрясая ключами, он оживленно доложил:

– Полковник просит пройти вас в бокс номер семь. Там такое!

Дважды повторять ему не пришлось. Гуров пулей вылетел из палаты и помчался в том направлении, которое указал санитар. Несмотря на возбуждение и спешку, тот не забыл дважды повернуть ключ в замке. «Вышколенный персонал», – машинально отметил Лев, врываясь в бокс под номером семь. Внутреннее убранство бокса ничем не отличалось от предыдущего. Та же широкая кровать, застеленная белоснежными простынями. На ней восседал довольно крепкий парень, не намного старше собрата по несчастью из двенадцатого бокса. Вид у него был одновременно и растерянный, и испуганный. Крячко стоял в углу палаты и внимательно разглядывал то, что лежало на полу за корзиной для мусора. Гуров подошел ближе.

– Видал? – вполголоса задал вопрос Станислав.

– Вижу, – ответил Гуров. За корзиной лежала больничная салфетка, какими обычно накрывают простерилизованные инструменты, вся пропитанная кровью. Из-под нее выглядывала белая сталь. – Скальпель? – автоматически произнес он.

– Наверняка, – коротко ответил Крячко. – Надо бы спецов позвать, пусть снимут отпечатки пальцев. А мы пока с этим кадром побеседуем.

– Это не мое, – подал голос парень. – Я вообще не знаю, как это появилось здесь. – Теперь голос у него был не просто испуганный, он излучал настоящий ужас.

– Сходи в манипуляционную, позови кого-нибудь из наших, – попросил Лев санитара.

Тот мгновенно скрылся за дверью, а Лев и Стас придвинулись вплотную к постели пациента.

- Ваше имя, молодой человек! – потребовал Гуров.
- Санюра я. Сашка Храпов, – хрипло проговорил парень. – И это не мое!
- Разберемся. Расскажите нам, Александр, как вы провели вечер накануне?
- Вы смеетесь, да? Как я мог провести вечер в стенах этой богадельни?
- Невежливо отвечать вопросом на вопрос, – заметил Крячко. – Тебя в школе вообще ничему не учили? Давай-ка обстоятельно. По минутам. Что делал, во сколько и с кем.
- Да ничего я не делал. Поужинал, видео посмотрел и спать лег, – осторожно ответил Санюра.
- В котором часу был ужин? Что за фильм смотрел, во сколько уснул?
- Ужин в шесть. Свободным пациентам разрешено посещать столовую. Из столовой вернулся минут через тридцать. Ну, это я так думаю. Здесь за временем особо не следишь. Главное, до семи в палате оказаться и звуки посторонние приглушить. Нам только в наушниках разрешено фильмы смотреть или музыку слушать.
- Что означает термин «свободный пациент»? – поинтересовался Гуров.
- Это те, кто на четвертый этап перешел. Вроде как в компьютерной игре. На последний уровень перешел и свободен, – охотно объяснил Санюра. – Перед выпиской нам дают определенную свободу передвижения. Ну как свободу? До обеда можно в общую комнату ходить, есть в столовой, и на ночь дверь не закрывают. Такая вот свобода.
- И ты, значит, из таких, – подытожил Крячко.
- Да, из таких. Мне три дня до выписки осталось.
- Чего ж ты эти три дня дотерпеть не смог? – сдвинул брови Станислав. – За что девушку жизни лишил?
- Какую девушку? – Лицо Санюры вытянулось.
- Медсестричку вашу. Елену Баландину.
- Леночку? Леночка мертва?! О, ужас! – Голос парня сорвался на крик. – Наша Леночка! Какой кошмар!
- Кончай комедию ломать! – грубо оборвал его стенания Крячко. – Выкладывай, за что девушку порезал? Дозу получить хотел?
- Вы думаете, что ее убил я? – еще громче завизжал Санюра. – Вы с ума сошли! Мне не нужна никакая доза! Я полностью излечился, спросите у профессора. Меня к выписке готовят.
- Спросим, не сомневайся. Однако для тебя будет лучше, если ты сам во всем признаешься. Чистосердечное признание и все такое. Наверняка в курсе, – не обращая внимания на возмущение Санюры, гнул свое Крячко.
- Погоди, Стас, – остановил натиск полковника Гуров и обратился к парню: – Сможете вспомнить, как долго фильм смотрели? В котором часу он закончился? Что необычного происходило в этот вечер? Для нас важны любые мелочи.
- Да что ты с ним расшаркиваешься? – рассердился нетерпеливый Крячко. – Забираем с собой, посидит часок в предвариловке, заговорит как миленький.
- Я с вами никуда не поеду! – взвился Санюра. – Не имеете права! Я на излечении, мне покой предписан.
- Вот ты и устроил Леночке покой. Вечный, – гневно произнес Крячко.
- В палату вошел один из криминалистов.
- Что тут у вас, Лев Иванович? – спросил он, окидывая палату беглым взглядом.
- Пальчики откатать нужно. И вот с этим поработать, – кивнув в угол, ответил Гуров.
- С чего начинать?
- С орудия убийства, я полагаю, – сказал Лев, – с парнем мы еще не закончили.
- Криминалист забрал салфетку и найденный под ней скальпель и молча удалился. Санюра наблюдал за его действиями уже без истерики. Как только тот ушел, он снова заговорил, обращаясь исключительно к Гурову, как к единственной его надежде.

– Послушайте, я никого не убивал. Вы просили расписать по минутам все, что я делал вчера. Я попытаюсь. После ужина я пришел сюда. Начал смотреть фильм. Про природу. Других у нас нет. Я выбрал про дельфинов. Фильм был скучный, и примерно через час я его вырубил. Включил плеер. Слушал музыку и мечтал. Да, да, не смейтесь, именно мечтал, – огрызнулся Санюра, уловив скептическую ухмылку Крячко. – А мечтал я о том, как окажусь в своем родном доме, рядом с родителями. Разве это смешно?

– Конечно же, это не смешно, – успокаивающим тоном произнес Гуров. – Продолжайте.

– Так вот. Сколько времени прошло, я не знаю, не следил за часами. Вы спрашиваете, что необычного я заметил вечером? Ничего. Вернее, кое-что произошло, но необычного в этом ничего нет.

– Что именно произошло?

– В какой-то момент мне показалось, что в палату кто-то заглянул, но когда я открыл глаза, тут никого не было. Я подумал, что приходил санитар с проверкой, только и всего. Взглянул на часы, чтобы удостовериться, что еще нет десяти, когда нам положено спать. Было без двадцати десять. Я снова закрыл глаза и еще минут двадцать слушал музыку. Потом вырубил плеер, засунул его под подушку и заснул. Вот и все.

– Как все гладенько, ты не находишь, Лева? Лежал себе наш Санюра в постельке, потом пришел злой дядя, подкинул ему в палату орудие убийства, а наш добропорядочный пациент продолжал себе слушать музычку. Просто идиллическая картинка. Сказочник ты отменный, Санюра, вот что я тебе скажу, – высказался Крячко.

– Я так и думал, что вы мне не поверите, – вздохнул Санюра. – Только другой сказочки у меня в запасе нет.

– Время, когда к вам в палату кто-то заглядывал, вы точно запомнили? – спросил Гуров.

– Точно, – кивнул парень.

– А до этого все время находились в наушниках, так?

– Так.

– И остальные пациенты проводят вечера так же?

– Скорее всего, – согласился Санюра. – Тут из развлечений видик и музыка. Слушать можно только в наушниках. Это общее правило. Кое-кто в шахматы сам с собой играет.

– Кто именно? – уточнил Лев.

– Вадик из третьего бокса. Он, кстати, тоже из свободных. И Натаха с восьмого бокса. Она, правда, не в шахматы, а в тетрис рубится, но музыку не особо уважает. Может, она что слышала? – В голосе Санюры появилась надежда. – Ее бокс соседний, зайдите к ней. Вдруг она слышала шаги или еще что-то, тогда мои слова подтвердятся.

– Одевайтесь. Вам в любом случае придется проехать с нами, – проговорил Гуров.

– Зачем? Вы хотите посадить меня в тюрьму? О, только не это! – снова завопил Санюра.

– Стас, я к криминалистам, а ты тут подгони молодого человека, – попросил Гуров, выходя из палаты и слыша за спиной жалобные стоны Санюры и твердый голос Крячко, потирающего его.

Он отыскал санитару и попросил сопроводить его в бокс номер восемь. Девушка, занимавшая этот бокс, оказалась не особо разговорчивой. На все вопросы Гурова она отвечала односложно. Шагов не слышала. В бокс никто после семи вечера не заходил. Дверь открыть не пытался. Сама она смотрела сериал про африканских животных ровно до разрешенных десяти вечера, потом уснула. С соседом по боксу пересекалась только на процедурах и групповых сеансах терапии. Ничего о нем сказать не может, ни положительного, ни отрицательного.

Вадик из третьего бокса помог не больше. Он, как и все пациенты Центра, строго выполнял правила клиники и в этот вечер лег спать чуть ли не в восемь. Сказал, что болела голова, а санитарам признаваться в этом не хотел. Любое ухудшение самочувствия записывается в журнал, и это удлиняет процесс реабилитации. Он же добровольно продлить свое заточение не

хотел. К тому же из-за головной боли его могли вернуть на третий этап, когда свобода передвижения ограничивается.

Гуров провел в клинике еще часа три, но все с тем же результатом. Персонал выполнял свои трудовые обязанности. Посторонних в клинике не было. Нарушений режима за пациентами не наблюдалось. В конце концов, получив от Ухтомцева списки пациентов и сотрудников, Лев принял решение ехать в Управление. Выездная группа уже отправилась туда, Крячко вызвался сопровождать Храпова под стражу, поэтому возвращаться в Главк Гурову пришлось в одиночестве. Приезда главврача он так и не дождался.

Глава 3

– Что значит «забрали»? Вы в своем уме, Евгений Миронович?

Такой фразой отреагировал на слова Ухтомцева главврач Экспериментального центра Альберт Константинович, когда смог наконец дозвониться до него. Произошло это ближе к четырем вечера. Гуров и Крячко давным-давно отбыли, тело Елены Баландиной забрали, а персоналу клиники позволили навести порядок в отделении. Измотанный событиями текущего дня, Ухтомцев не был настроен на взбучку от начальства, поэтому ответил в не свойственной бывалому психиатру манере:

– Не сомневаюсь, будь вы на месте, сумели бы решить проблему более конструктивно. Мне же оставалось лишь подчиняться полиции.

– Что вы хотите этим сказать? – опешил Альберт Константинович. – По-вашему, я специально уехал из города, чтобы не присутствовать при опросе Храпова?

– Меня это не волнует. Я вам доложил обстановку, только и всего. На этом полномочия мои заканчиваются. Общаться с родственниками Храпова и Баландиной в любом случае придется вам. И чем быстрее вы это сделаете, тем будет лучше. И для вас, и для клиники.

Ухтомцев бросил трубку, прервав на полуслове недовольное ворчание главврача. Угрызений совести он не испытывал. В клинике всем была хорошо известна привычка Альберта Константиновича перекладывать ответственность со своих плеч на чужие. Продли он разговор хоть на минуту, и неприятная обязанность по оповещению родственников точно легла бы на него.

– А мне это надо? – вслух рассуждал Ухтомцев. – Мало мне сегодняшней головной боли?

Он нервно прошелся по кабинету. Допустим, родственников Храпова поставят в известность сотрудники полиции. В конце концов, это их инициатива. А как быть с Леночкиной родней? Должны ли полицейские взять эту обязанность на себя? Ухтомцев не знал. Он придвинул к себе личное дело Леночки. О ее близких ему ничего не было известно. В анкете в графе «Место рождения» значился город Нижневартовск. И все. Точного адреса не значилось. Приехала ли Леночка прямо из Нижневартовска или только родилась там, Ухтомцев понятия не имел. Звонить Крячко, чтобы выяснить, как проходит данная процедура в полиции, ему не хотелось. Он и так лишил приятеля законного выходного дня и усугублять ситуацию не собирался. Но и уйти домой, даже не попытавшись связаться с родственниками Леночки, не мог. Что ему оставалось? Тяжело вздохнув, Евгений Миронович раскрыл записную книжку, в которую по старой привычке заносил телефоны всех сотрудников отделения, и приступил к обзвону. Он надеялся, что Леночка поделилась хоть с кем-то из работников клиники деталями частной жизни, и ему удастся выяснить, живы ли ее родители и где их искать.

После тридцати минут бесполезных разговоров ему повезло. Одна из медицинских сестер подсказала ему, что если у кого и есть информация о Леночке, то только у Камиллы Войновой. Девушка работала не в отделении Ухтомцева, поэтому ее телефонного номера он не имел, им его снабдила все та же медсестра. Не особо надеясь на положительный результат, Ухтомцев все же набрал номер. Камилла ответила сразу. Он представился и объяснил причину беспокойства, предусмотрительно промолчав о случившемся с Леночкой.

– А я вас знаю, Евгений Миронович, – жизнерадостно доложила Камилла. – Леночка о вас тепло отзывалась. Я даже подумываю, не перейти ли мне в ваше отделение. Не то чтобы в хирургии мне не нравилось, просто Виктор Владимирович несколько суховат, на мой взгляд, а я люблю работать легко.

– Весьма польщен вашей характеристикой моих достоинств, – перебил ее Ухтомцев. – Но в настоящий момент меня больше интересует, не рассказывала ли вам Леночка о своих родственниках. Для меня важно связаться с ними как можно быстрее.

– Так что же вы у самой Леночки не спросите? – удивилась Камилла. – А, догадалась. Вы готовите ей какой-то сюрприз? Вот здорово! Нет, мне определенно нужно переходить под ваше руководство.

– Так что насчет родственников? – не особо вежливо напомнил Ухтомцев, делая для себя вывод о том, что никогда не возьмет Камиллу в свое отделение.

– А ничего, – просто ответила Камилла. – Родители у нее умерли еще в детстве, а про других родственников она говорить отказалась. Мы с ней целый вечер вместе провели, но говорила в основном я, так что придется вам отказаться от сюрприза и спросить у нее напрямую. Дать телефончик? Кстати, она обещала вчера приехать, да так и не доехала.

– Куда приехать? – насторожился Ухтомцев.

– Ко мне. Мы собирались забуриться в ночной клуб. Расслабиться, оттянуться по полной. Дело молодое, вы же понимаете. В прошлый раз она наотрез отказалась, но пообещала, что в следующий раз обязательно пойдет со мной куда-нибудь. Я хотела в «Ночной ковбой» ее сводить. Там круто...

– Послушайте, Камилла, вы не могли бы отвечать короткими фразами? Только по существу, – застонал Ухтомцев, утомленный болтовней девушки.

– Да в чем дело-то? Вы какой-то странный, – обиделась Камилла. – Не хотите общаться со мной, так и скажите. Между прочим, это вы мне позвонили, а не наоборот. Звоните Леночке, ею и командуйте, а я пока еще не на вас работаю.

– Я ничего не могу спросить у Леночки. Она мертва. Убита в клинике сегодня ночью, – устало сообщил Ухтомцев.

После его заявления в трубке повисла зловещая тишина. Подумав, что девушка потеряла сознание, он беспокойно поерзал на стуле и осторожно спросил:

– Камилла, с вами все в порядке?

– Да, я в норме. – Голос девушки изменился. Из него разом ушла вся жизнерадостность. – Как это произошло?

– Кто-то нанес ей смертельные раны хирургическим скальпелем. Теперь нужно сообщить ее родственникам, а я понятия не имею, где их искать.

– Боюсь, в этом я вам не помогу. Леночка была у меня в гостях всего раз и практически ничего не рассказывала. Только... – Девушка замолчала.

– Что вы хотели сказать? Что «только»? – переспросил Ухтомцев.

– Мне показалось, что она чересчур зажата, будто ожидает чего-то нехорошего. Думаю, и ко мне она пришла только для того, чтобы не оставаться одной, – сказала Камилла.

– Вам нужно все рассказать в полиции, – решительно заявил Евгений Миронович. – Все, что вы знаете и о чем только догадываетесь.

– Хотите, чтобы меня допрашивали в полиции?! – ахнула она.

– Именно, – подтвердил Ухтомцев. – Я вам не все сказал. Полиция подозревает одного из моих пациентов, а я уверен, что он не убивал Леночку. Если полиция будет в курсе ее эмоционального состояния, они начнут копать глубже, и подозрения с моего пациента будут сняты. Как думаете, вы сможете сделать это сегодня?

– Сегодня? И потратить на это последние часы законного отдыха? Ну уж нет! – возмутилась Камилла. – В конце концов, мы не настолько были близки с Леночкой. Но завтра обещаю. Отправлюсь в полицию с самого утра. Надеюсь, вы предупредите мое начальство о том, что отпустили меня с работы. – И она бросила трубку.

Ухтомцев вздохнул. Возразить на ее заявление ему было нечего. Обвинение выздоравливающего пациента нанесло бы непоправимый ущерб всему эксперименту. Прогул медсестры за спасение результатов многолетней работы – не такая уж большая плата. Сложив так и не обработанные файлы в папки, Ухтомцев выключил свет и отправился домой.

Утро понедельника для Гурова началось с доклада начальству о вчерашнем убийстве. Генерал Орлов потребовал Гурова и Крячко «на ковер», едва переступив порог Управления. Накануне вечером друзья успели нанести визит в съемное жилье Баландиной и пообщаться с ее соседками. Молоденькие начинающие певички, удачно устроившиеся в оперный театр, оказались на редкость бестолковыми созданиями. Кроме бесполезной болтовни, пользы Гуров из этого визита никакой не вынес. Осмотр комнаты Баландиной получился настолько же непродуктивным, что и беседа с соседками. Те о частной жизни убитой девушки ничего не знали. Личные вещи Баландиной отличались безликостью. Компьютера у девушки не было, записей никаких она не вела. Одежда, сложенная в старом шкафу, принадлежащем квартирной хозяйке, была скудной, хоть и недешевой. Пара платьев, брючный костюм и аккуратная стопка нижнего белья. Несколько порадовала зимняя куртка. В ней Гуров отыскал использованный билет на проезд пригородного электропоезда. Вот и весь улов.

Придя в Управление, он связался с Валерой Жаворонковым, возглавлявшим информационный отдел, и завалил его заданиями, обозначив каждое как приоритетное по срочности выполнения. Жаворонков поворчал для проформы, но пообещал дать ответ в течение двух часов. Крячко опаздывал. Не желая нервировать генерала, Гуров отправился к нему один.

– Почему один? – задал Орлов резонный вопрос, как только Лев показался в дверном проеме. – Надеюсь, отсутствие полковника Крячко обусловлено тем, что он собирает неопровержимые доказательства причастности Храпова к убийству Елены Баландиной.

– Скоро будет, – коротко ответил Гуров. – А по поводу Храпова. Не думаю, что он убийца.

– Вот те здрасте! – развел руками генерал. – Ты что, Лева, белены объелся? Не ты ли вчера выдернул меня из-за обеденного стола, требуя разрешения на задержание Храпова? А сегодня, значит, пришел ходатайствовать о его освобождении? Где логика?

– Я и вчера не был в этом уверен, а задержать Храпова было необходимо. До выяснения обстоятельств, – ответил Гуров.

– И за ночь эти обстоятельства чудесным образом выяснились? – усмехнулся Орлов. – Очень интересно. А я вот с шести утра выдерживаю натиск адвоката Храпова.

– У Храпова есть адвокат? – удивился Лев.

– Родители постарались, – ответил Орлов.

– Тем лучше. – Общаться с парнем легче будет. Вчера он от страха двух слов связать не мог. Быть может, присутствие адвоката скажется положительно на его самочувствии.

– Доложи план действий, – перешел на официальный тон генерал.

– На текущий день запланировано несколько направлений, – начал Гуров. – Допрос Храпова. Сбор информации по личности убитой и отработка ее связей. Анализ информации по сотрудникам Центра и основной деятельности клиники. И встреча с главврачом.

– Вы до сих пор с ним не встретились?

– Никак нет. Вчера связаться с ним не удалось. Отдыхал за городом, – бесстрастно доложил Гуров.

– И не посчитал нужным прервать отдых даже в связи с убийством во вверенном ему заведении? Странно, ты не находишь?

– Так бывает, – неопределенно ответил Лев.

– Ладно, на этом остановимся. Как только что-то прояснится, сразу докладывать, – приказал Орлов, давая понять, что аудиенция окончена.

Выйдя из кабинета, Гуров столкнулся в коридоре с растрепанным Крячко.

– Привет, Лева! Как там? Стружку снимал? – спросил Станислав, кивая головой в сторону генеральского кабинета.

– Терпимо, – ответил Гуров. – Ты-то что припозднился?

– Ухтомцев задержал. Вечером беспокоить не стал, а с утра с докладом, – объяснял на ходу Крячко. – Он по собственной инициативе пообщался с сотрудниками Центра. Обещал

прислать с утра медсестричку, которая встречалась с Еленой Баландиной накануне убийства. Говорит, что та может быть нам полезна. Должна была приехать к восьми. Не докладывали?

– Пока тихо.

– Это хорошо. Хотелось бы лично пообщаться.

– Вот и встретишь ее, а я к Храпову, – сказал Гуров. – Кстати, твой подозреваемый обзавелся адвокатом.

– Да ладно! Шустрый малый этот наш убийца, – почему-то обрадовался Крячко.

– Твой убийца, – делая ударение на слове «твой», поправил его Лев.

– Это с какого перепугу он мой? Или ты все еще сомневаешься в его причастности? – завел старую шарманку Крячко.

Вечером они уже обсуждали эту тему. Гуров не верил, что убийца – Храпов. Тому было несколько причин. И дело тут вовсе не в том, что отпечатков пальцев Санюры не обнаружили ни на орудии убийства, ни в манипуляционном кабинете, ни на теле жертвы. Основным аргумент был настолько очевиден, что Гурова поражала настойчивость друга. Девушка была исполосована острым лезвием хирургического скальпеля. Манипуляционный кабинет от потолка до пола забрызган ее кровью, а на теле подозреваемого не было ни пятнышка. Чем это объяснить? В боксе душевой кабины не было, возможности сменить больничную одежду на свежую Храпов не имел. Да если бы и была, куда бы он дел ту, что запачкал кровью жертвы? На все эти аргументы Крячко отвечал односложно: дать Храпову время на раздумья, и он сам все выложит. К утру Стас надеялся получить от того подробные ответы на все вопросы. Гуров же считал, что к утру только укрепится в своем мнении. Так и вышло. Чем больше он думал над этим делом, тем меньше оно ему нравилось.

У кабинета их поджидала молоденькая девушка. Она сидела на казенном стуле, закинув ногу на ногу. Коротенькая юбочка практически не оставляла места для фантазии, выставляя напоказ прелести посетительницы. Бросив на Гурова многозначительный взгляд, Крячко обратился к девушке:

– Доброе утро. Полагаю, вы Камилла Войнова? Профессор Ухтомцев предупредил о вашем приходе. Я – полковник Крячко, а это – полковник Гуров, но он уже уходит. Прошу вас, проходите в кабинет.

Девушка поднялась, бросила томный взгляд на Гурова и проследовала в открытую Крячко дверь. Лев покачал головой, а Станислав, подмигнув ему, прошептал:

– А вам, Лев Иванович, в следственный изолятор. Храпов ждет, – и захлопнул дверь кабинета перед носом полковника.

Оказавшись в кабинете, Камилла прошествовала к свободному стулу и грациозно опустилась на него. Крячко, наблюдавший за движениями девушки со спины, невольно залюбовался ее фигурой. «Красивая бестия, – подумал он, – жаль, молодая». Женщин Крячко любил и никогда не упускал возможности приударить за понравившимся экземпляром. Он был холостяком, и его моральные принципы в этом отношении не страдали. Однако девушка была слишком молода и годилась ему разве что в дочери, поэтому он отбросил ненужные мысли, занял свое кресло и приступил к беседе.

– Так, значит, вы – подруга погибшей Елены Баландиной, так?

– Что вы, что вы! Ну какая я ей подруга? – поспешила откреститься Камилла. – Нас и приятельницами-то не назовешь. Просто я очень общительный человек. Люблю шумные компании, потусить в свободное от работы время, если вы еще помните, что это такое, – ехидно улыбнулась она.

Крячко молча проглотил нелестный намек на возраст и снова спросил:

– Тогда зачем вы здесь?

– Так получилось, что последний вечер в своей жизни она провела у меня, – просто ответила Камилла.

– А вот с этого места поподробнее, – потребовал Крячко.

– Вам в самых-самых подробностях?

– Интимные можете пропустить, – съязвил Стас, чем ничуть не смутил девушку.

– Самое интересное, значит, игнорируем, – подытожила она и начала рассказывать: – Вечером в пятницу я сидела дома. Скучала. Небольшой сабантуйчик, который намечался на этот день, внезапно сорвался. Я поругалась со своим бойфрендом, и он укатил в клуб без меня. Признаться честно, я не сильно расстроилась. Парень так себе. На деньги жадный, положение не ахти, да и с потенцией у него...

– Это можете пропустить, – перебил ее Крячко.

– Как пожелаете. Я понимаю, вы, мужчины, не любите, когда обсуждают ваши мужские достоинства, – хитро прищурилась Камилла. – Хотя в этот раз отчего не послушать? Не о вас же речь.

– Гражданка Войнова, вынужден напомнить, вы находитесь в Главном управлении полиции. В отделе по расследованию убийств. Перед вами не один из ваших бойфрендов, а следователь по особо важным делам. По особо важным! – Крячко начал злиться. – И мы не просто беседуем. Здесь происходит допрос свидетеля. Под протокол. Намек ясен?

– Естественно, я же не дура. Чего так кипятиться из-за пары лишних фраз? Я просто люблю общаться.

– Общаться будете с безусыми юнцами в вашем вшивом ночном клубе, а здесь вы даете показания, – проговорил Станислав, еле сдерживаясь. – А теперь отставили свои ужимки и начали все сначала. Как Елена оказалась в вашей компании? Вы ее пригласили?

– Нет. Она сама позвонила. Вообще-то я ее не один раз к себе звала, только она все время отказывалась. А в этот раз сама позвонила. Нет, она не напрашивалась, я ее пригласила. – Камилла перевела дыхание и сердито добавила: – Вы меня совсем запутали. Как, по-вашему, я должна ответить на этот вопрос, если оба ответа верные. И да, и нет!

– Предлагаю описать все как было, только без сальных шуточек и пошлых намеков, – продолжая сердиться на девушку, произнес Крячко.

– Хорошо, я попробую. Я сидела дома, мне было скучно, потому что намеченный сабантуй сорвался. И тут зазвонил телефон. Я думала, что это мой бойфренд опомнился и собирается просить прощения. Но это был не он. Это звонила Ленка из отделения наркош. Она сказала, что находится неподалеку от моего дома, ну я и пригласила ее к себе. Надеюсь с ней потусить. В клубешник завалиться, подцепить нового парня, назло своему бывшему.

– Не отвлекайтесь, гражданка Войнова, – напомнил Крячко. – В котором часу был звонок?

– Я и не отвлекаюсь, – огрызнулась Камилла. – Было часов семь, может, восемь. Я на часы не смотрела. Она пришла. Я предложила ей выпить, и, знаете, она не отказалась, даже наоборот, попросила налить чего-нибудь покрепче. И вид у нее при этом был какой-то испуганный, что ли.

– Испуганный? – переспросил Крячко. – Вы не спросили ее об этом?

– Спросила, только она ответила, что мне померещилось. Ничем она не напугана, просто не хочет домой возвращаться. Там, говорит, ее соседки по пятницам «гульбарий» устраивают, а у нее завтра ответственный день, профессор по своему эксперименту поработать «припахал». Я сразу поняла, что «тусни» не будет, но не выгонять же ее на улицу?

– И чем вы весь вечер занимались?

– Да ничем. Телевизор смотрели, все передачи подряд. Еще по парочке бокалов выпили, поболтали. Ну, как поболтали? Я вопросы задавала, она нехотя отвечала. Вроде как сейчас мы с вами, – ответила Камилла и друг засмеялась: – А правда, похоже. Будто я ее допрашивала, а она пыталась увильнуть от правдивых ответов.

– А вы сейчас пытаетесь увильнуть от ответов? – уточнил Крячко.

– Нет. Просто подразнить вас хотела, а вы вон каким букой оказались, – отшутилась Камилла.

– Что поделывать, работа такая, – пожал плечами Станислав.

– Так у нее-то такой работы нет, – резонно возразила Камилла. – Ей-то чего скрытничать?

– И на какие вопросы она не захотела отвечать?

– Про парня ее спрашивала. Она ответила, что постоянного ухажера не имеет. Потом про семью спросила. Она сказала, что родители умерли, когда ей двенадцать лет было. Воспитывала ее престарелая бабка, где-то в Нижневартовске. Только про профессора с удовольствием и говорила. Профессор то, профессор се. Я даже подумала, что она в него влюбилась. А когда ей этот вопрос задала, она так на меня посмотрела, что дальше расспрашивать охота отпала. Вообще вечер прошел ужасно, честно вам скажу. И представьте мое удивление, когда она сама напросилась и на следующий день у меня переночевать! Я, говорит, сегодня не в форме. Спала плохо, да и за работу беспокоюсь, как все завтра пройдет. Но мне только одно дельце завершить, и приду в норму. Если хочешь, ходим в какой-нибудь клуб, потанцуем.

– И что вы ответили? – спросил Крячко.

– А что я могла ответить, когда прямо в лоб вопрос задают? Не отказывать же? Согласилась, естественно. Она поблагодарила и спать пошла. Утром меня не будила. Ушла в клинику, а вечером не пришла. И не перезвонила. А я что? Мне одного вечера в ее присутствии хватило. К тому же мой бойфренд вернулся, мы с ним ночь примирения отмечали. Сами понимаете, не до Ленки было. Только когда профессор Ухтомцев позвонил, тогда и вспомнила.

– Выходит, в субботу она домой не собиралась, – отметил Крячко.

– Точно, не собиралась. Знаете, что я думаю? Она боялась домой идти. Мне кажется, дело тут в каком-нибудь назойливом ухажере.

– С чего такие выводы? – удивился Крячко. – Она что-то подобное говорила?

– Я же девушка, мне о таких вещах вслух говорить не нужно, – пояснила Камилла. – Интуиция.

– Только непонятно, на чем основанная, – вслух заметил Крячко.

– Да как же непонятно? – обиделась Камилла. – Вот посудите сами: раньше она со мной не общалась, так? Так. А тут вдруг заявила, да не на часок, а на ночь. Да еще и на следующую ночь место забронировала. Ясно ведь, не хочет дома «светиться». Ухажер ее наверняка знает, где она живет, а моего адреса у него нет. Вот вам и объяснение внезапно возникшей дружбы. Еще она говорила, что спала плохо. Отчего бы ей бессонницей страдать? А оттого, что решать нужно было, как от парня избавиться. Да так, чтобы наверняка. Это, знаете ли, не так просто. А ее высказывание про незавершенное дельце? Точно вам говорю, порвать она с ним собиралась. Решила все высказать и ко мне свалить, чтобы не доставал. Логично?

Крячко вздохнул. Быть может, ориентируясь на женскую логику, в словах Камиллы и был резон, только вот он, полковник угрозыска, его не видел.

– Что-то еще необычное в поведении Елены вы заметили? – на всякий случай спросил он.

– Вам этого мало? – удивилась Камилла.

– Что ж, если больше добавить вам нечего, давайте пропуск, – завершая беседу, произнес Крячко. – Если понадобится, мы вас вызовем.

– Телефончик оставить? – моргая ресницами, игриво спросила Камилла. – Захотите потрянуть стариной, милости просим.

– Кыш отсюда, егоза! – удивляясь наглости девицы, рассмеялся Крячко.

Камилла поднялась, поправила юбочку, послала Крячко воздушный поцелуй и выплыла из кабинета. Ей на смену явился капитан Жаворонков. Выложив на стол четыре отпечатанных листа, спросил:

– Информация по сотрудникам Центра еще интересует?

– Накопал что-то стоящее? – хватая листы, спросил Крячко.

– Есть один экземплярчик. Верхний листок, – ответил Жаворонков и поспешил удалиться.

Крячко начал читать. После прочтения первых строчек он тут же вскочил с места и помчался в кабинет генерала. Секретарша Верочка занималась любимым делом – поливала цветы.

– Доброе утро, полковник, – поздоровалась она, загораживая проход. – Вы, никак, без доклада собрались?

– Не до докладов, Верочка. – Крячко ухватил секретаршу за талию и легко освободил себе дорогу. – Тут такая информация! Просто бомба!

– Товарищ генерал, к вам полковник Крячко, – поспешила доложить Верочка.

– Вижу, – донесся из селектора голос генерала.

– Я пыталась его остановить.

– Да разве ж его остановишь? – пошутил генерал, из чего секретарша сделала вывод, что нагоняя не будет, и спокойно вернулась к прерванному занятию.

Крячко же прошел напрямик к столу и выложил перед генералом принесенный Жаворонковым лист.

– Вот, товарищ генерал. Похоже, прав был Гуров. Храпов не при делах.

– погоди, Стас, охлонишься. Что у тебя стряслось? – Орлов взглядом заставил Крячко сесть.

– Жаворонков материал на сотрудников Центра собрал. Да вы сами почитайте.

Орлов опустил глаза и начал читать.

– Завьялов Анатолий Витальевич. Ведущий хирург Экспериментального центра. Сорок два года. Женат, двое детей. В клинике работает восемь месяцев. Надо же, и года не прошло, а он уже ведущий хирург, – заметил он.

– Вы дальше читайте, – поторопил Крячко.

– Не подгоняй начальство, полковник, – поморщился Орлов. – Тут тебе не ипподром.

– Виноват, – ответил Станислав, и генерал стал читать дальше.

– Ого, да наш хирург под следствием находился? Очень интересно, – промычал он, углубляясь в чтение.

– Вы посмотрите, за что, – нетерпеливо проговорил Крячко. – Это же наш подопечный. Как пить дать, наш.

В докладе говорилось, что предыдущим местом работы хирурга Завьялова была областная больница Северной столицы. Там ему было предъявлено обвинение в убийстве коллеги. Мужчину нашли на рабочем месте рано утром. Изрезанного хирургическим скальпелем. Правда, через неделю обвинения с Завьялова были полностью сняты по причине железного алиби, но в тот раз убийцу так и не нашли. С работы Завьялову пришлось уволиться по собственному желанию. Орлов был склонен думать, что главврач областной больницы посодействовал возникновению подобного желания у подмочившего репутацию хирурга, и винить его в этом не мог. Сложновато было бы объясняться с пациентами, которых он укладывал бы на стол к Завьялову. Тем не менее перед законом Завьялов был чист. Об этом генерал и сказал Крячко.

– Так что с того? – раскипятился Станислав. – Убийцу ведь не нашли? То, что питерским сыскарям не удалось разбить «железное алиби» убийцы, еще не значит, что он невиновен. А у нас аналогичный случай. Убийство произошло на территории клиники. И почерк тот же.

– Этого может оказаться недостаточно. Вот если вам с Гуровым удастся раскопать какую-то связь Завьялова с Баландиной, тогда и поговорим, – произнес Орлов.

– Есть связь! – воскликнул Крячко. – Буквально пять минут назад я с этой связью беседу вел.

– Поясни, – потребовал генерал.

– Сегодня у меня в кабинете была некая Камилла Войнова. Медсестра из Центра. Последнюю ночь своей жизни Елена Баландина провела в ее квартире. А теперь главный вопрос: угадайте, под чьим началом трудится эта Войнова?

– Неужели под Завьяловым? – предположил Орлов.

– Так точно, товарищ генерал. Камилла Войнова является операционной сестрой в хирургическом отделении, – торжественно доложил Крячко. – Налицо сговор. Как вам такая версия? Камилла Войнова заманивает жертву к себе домой, выпытывает у нее планы на следующий день и докладывает о результатах Завьялову. Тот является в наркологическое отделение к моменту ухода Ухтомцева, подкарауливает Баландину в манипуляционной и наносит ей смертельные удары скальпелем, после чего преспокойненько покидает клинику. Передвижение по клинике у хирурга свободное, никто и внимания не обратит на то, что он ошивается в Центре субботним вечером. У них там принято работать сверхурочно, это мне сам Ухтомцев сообщил. А дальше дело техники.

– Допустим. Только зачем ему убивать девушку? Мотив у тебя имеется? – остановил Крячко Орлов.

– С этим разберемся позже. Нужно брать Завьялова, пока он не почувал, что жареным пахнет. Сбежит, где тогда его ловить?

– И все же хоть какой-то мотив должен быть. Есть у тебя на этот счет предположения? – настаивал генерал.

– Быть может, девушка узнала о том прошлом инциденте? Она могла шантажировать Завьялова, а он не придумал ничего лучше, как расправиться с ней привычным способом. А может быть, собирался припугнуть, да перестарался, – предположил Крячко. – В любом случае нужно торопиться. Дайте добро хотя бы сюда его доставить.

– Вот на это разрешение даю, – ответил Орлов. – Поезжай в клинику, привези Завьялова к нам и побеседуй по душам, а там видно будет.

Дважды Крячко повторять было не нужно. Подхватив бумаги со стола генерала, он вернулся в кабинет, оставил записи на столе Гурова и, вызвав наряд, поехал в клинику.

Глава 4

В то время как полковник Крячко мчался на полицейском седане в Экспериментальный центр, полковник Гуров вел допрос подозреваемого Александра Храпова. Процедура затянулась, так как адвокат Храпова, как назло, застрял в пробке, а без его присутствия говорить Санюра наотрез отказывался. Начать допрос Гуров смог только без четверти десять. Устроившись напротив подозреваемого, он положил руки поверх стола и поинтересовался:

– Как ваше самочувствие, Александр?

– Мой клиент в норме, – быстро ответил за Санюру адвокат. – И в этом нет вашей заслуги. Будьте уверены, после того как моего клиента выпустят отсюда, а его непременно выпустят, вашей конторе будет предъявлен серьезный иск. Кому-то придется заплатить за моральный ущерб, нанесенный моему клиенту.

– Так как вы себя чувствуете? – игнорируя выпад адвоката, повторил вопрос Гуров, глядя в глаза Санюре.

– Бывало и лучше, – вяло ответил тот.

– Но и хуже дни случались, не так ли? С вашим «послужным списком» было бы удивительно, если бы вы заявили обратное.

– О каком списке идет речь? – насторожился адвокат. – У моего клиента не было ни одного привода в полицию.

– Вот как? – развернулся к нему лицом Лев. – Что ж, выходит, вы плохо информированы. Не самая лучшая черта для адвоката – приходить на допрос, вооружившись лишь поверхностными данными.

– Не понимаю, о чем вы, – фыркнул адвокат. – Я достаточно осведомлен о прошлом подзащитного.

– Тогда вы должны знать о трех приводах за совершение кражи аудиотехники с целью сбыта в подростковом возрасте, двух ограблениях близких родственников ради присвоения драгоценностей все с той же целью и минимум о трех кражах государственных денежных знаков общей суммой в восемьдесят тысяч российских рублей уже в более осознанном возрасте. Если не ошибаюсь, последний инцидент был зафиксирован не далее как четыре месяца назад. Я все верно излагаю, гражданин Храпов?

Санюра потупился. Адвокат, напротив, вытаращил глаза на своего подопечного. Выражение его лица говорило о том, что все вышеизложенное полковником Гуровым было для него новостью.

– Ваши родственники скрыли от меня важные сведения, – упрекнул он Санюру. – Это недопустимо в нашей практике.

– Я-то тут при чем? Лично мне вы ни одного вопроса не задали, – огрызнулся тот.

– Оставим распри, – перебил их Гуров. – Раз уж нам придется какое-то время общаться втроем, давайте соблюдать спокойствие. О том, как вас подставили родственники Храпова, вы, господин адвокат, сможете повздыхать после окончания допроса. А теперь сосредоточьтесь на моих вопросах. Постараемся сделать работу друг друга более легкой.

Адвокат недовольно поджал губы. Видимо, он не привык, чтобы главенствующую роль на подобных допросах занимал следователь. В случившемся казусе он винил родителей Санюры, а все свое недовольство перенес на него. Санюра так ничего из происходящего и не понял. Он был доволен тем фактом, что теперь его интересы представляет адвокат, следовательно, забота о том, чтобы Санюра не наболтал лишнего, ложится на его плечи. Разве не за это платят деньги адвокатам?

– Итак, с субординацией определились. Перейдем к делу, – заключил Гуров и снова обратился к Санюре: – Скажите, Александр, как давно вы находитесь на излечении в Центре?

Такого простого вопроса Храпов не ожидал, поэтому ответил, не дожидаясь подсказки адвоката:

– Ровно три месяца.

– Это стандартный период прохождения реабилитации?

– Думаю, да. Профессор Ухтомцев разработал новую систему, – охотно объяснял Храпов. – Он утверждал, что трех месяцев вполне достаточно.

– И в чем же заключается его уникальный метод? – поинтересовался Гуров.

– Всех подробностей не скажу, но мне кажется, там вся фишка в гипнозе, – простодушно ответил Санюра. – Мы даже бумаги какие-то подписывали, что типа не возражаем, чтобы нам в мозг залазили.

– Профессор Ухтомцев лично проводил сеансы гипноза?

– Он и его помощники. Я точно не знаю. Нас укладывали на кушетку, вводили какое-то лекарство, а потом профессор начинал «промыть» нам мозги. Я мало что помню из этих сеансов. Только то, что после них о наркотиках думать не хотелось.

– Вам нравится это состояние?

– Когда не нужно думать о дозе? Естественно, – заулыбался Храпов. – Да и не одному мне это нравилось.

– И вы никогда не думали о том, что вашей психике может быть нанесен ущерб?

– А почему я должен был об этом думать? – удивился Храпов. – Профессор – мужик что надо. Он за большими деньгами не гонится. Знаете, сколько я таких клиник повидал? И в каждой одно и то же. Пока все денежки из клиента не выкачают, действовать не начнут. А тут с первого же сеанса положительный результат.

– Так-таки и с первого? – засомневался Гуров.

– Точно вам говорю. У меня этих сеансов за жизнь столько было, а чтобы о дозе не думать, такое впервые, – расхваливал профессора Храпов.

– И спать вы стали лучше, верно?

– Лучше? Да я теперь сплю как младенец. И ем, кстати, тоже.

– И с людьми лучше ладить стали, так? – Гуров вел подозреваемого в нужном ему направлении.

– Даже с родителями, – похвастался Храпов. – С ними общаться сложнее всего. Как только они появляются на горизонте, сразу заводят свою шарманку: Санюра, тебе нужно думать о будущем, Санючик, ты не оправдываешь нашего доверия, мы не молодеем, постарайся взяться за ум. Как будто я сам всего этого не знаю.

– Это вызывало в вас агрессию? – осторожно поинтересовался Гуров, довольный тем, что оскорбленный в своих лучших чувствах адвокат самоустранился от беседы.

– Никакой агрессии. Раньше бывало. Как начнут они свою песню, я аж из штанов от злости выпрыгиваю. Так бы и прибил обоих.

– Наверное, не только родители приставали к вам с подобными душещипательными разговорами? – сочувственно покачал головой Лев.

– Бывало, что и из персонала кто-то подкатит. Ты, Санечка, не тот путь выбрал, и все в таком роде, – согласился Храпов.

– И как вы на это реагировали?

– Когда как. Иной раз вспыхнешь, наругаешься, рот заткнешь. А потом жалеешь.

– И когда вспыхнешь, так бы и прибил их, верно? – подтолкнул ничего не подозревающего Храпова Гуров.

– А вы бы не прибили? Чего лезть к людям? Не твое это собачье дело, кто на что жизнь тратит, – слегка раскипятился Санюра. – Твое дело полы мыть да пробирки расставлять, а не душу лечить.

– И то верно. На что учился, тем и занимайся, – поддержал его Лев. – И Леночке нужно было так сказать.

– Да она никогда к нам не придиралась. Хорошая девушка, – спокойно ответил Храпов, и только тут до него дошло, ради чего весь этот разговор затеян.

Адвокат тоже понял, в чем подвох вопросов, и, встрепенувшись, зачастил:

– Послушайте, это не по правилам! Хотите что-то спросить у моего подзащитного, спрашивайте напрямик. Нечего ходить кругами, вынуждая моего клиента откровенничать! – воскликнул он. – А вы, Александр, прежде чем отвечать, спросили бы моего совета, стоит ли рот открывать.

– Не нужно ссориться. Все, что хотел, я уже узнал, – неожиданно заявил Гуров. – Далее, как вы и желаете, будут только конкретные вопросы.

Адвокат и Санюра переглянулись. Они явно не понимали, чего ради полковник сменил тактику. А тот с разъяснениями не торопился. Выдержав паузу, снова спросил:

– Скажите, Александр, в ночь, когда была убита Леночка, в ваш бокс действительно кто-то заходил? Вы упоминали об этом во время нашей первой встречи.

На этот раз, прежде чем отвечать, Храпов дождался утвердительного кивка адвоката и лишь потом произнес:

– Все верно. В первый раз сказал и сейчас скажу. Заглядывал кто-то.

– Как вы можете быть в этом уверены, если, по вашему же утверждению, лежали на постели с закрытыми глазами, да еще и в наушниках, в которых звучала музыка?

– Не знаю, – честно признался Храпов. – Я вроде бы что-то слышал. А может быть, и почувствовал. Знаете, такое бывает. Лежишь себе, ни о чем не думаешь, и вдруг приходит ощущение, что ты в комнате не один. Разве у вас такого ни разу не было?

– Значит, утверждать, что в комнате был кто-то посторонний, вы не можете?

– Куда вы клоните? – вклинился адвокат. – Мой подзащитный уже сказал вам, что лишь почувствовал присутствие постороннего.

– Он заходил в комнату или только заглядывал? – не реагируя на слова адвоката, продолжил выпрашивать Гуров.

– Скорее всего, только заглядывал. Если и заходил, то к постели не приближался. Знаете, я об этом много думал после того, как вы меня сюда приволокли. Так вот, сейчас мне кажется, что в комнату приходил санитар, потому что успел заметить, как дверь закрылась. В какой-то момент я открыл глаза, и теперь мне кажется, что именно тогда, когда дверь закрылась.

Гуров видел, что Санюра искренне пытается определить, что же произошло в ночь убийства в его палате. Он решил оставить данный вопрос как неразрешимый. Не сможет Санюра вспомнить то, чего не видел, и это непреложный факт.

– Скажите, Александр, вы любите природу? – сменил он тему разговора.

– Природу? Это тут при чем? Леночку же убили в помещении, – опешил Храпов.

– И это мешает вам ответить на простой вопрос?

– Да, я люблю природу, – как-то зло ответил Санюра. – Это преступление?

– Нет, это не преступление. Это подспорье. Как часто вы любуетесь местным ландшафтом? Если не ошибаюсь, окна вашего бокса выходят на больничный парк?

– Точно, на парк. А вы откуда знаете?

– Простая наблюдательность. Так как часто вы любуетесь видом парка?

– Довольно часто. В больнице мало развлечений, а там птички, посетители, собаки иногда забредают. За ними интереснее всего наблюдать.

– А еще из вашего окна видны центральные ворота и больничная парковка, – как бы между прочим напомнил Гуров.

– Верно! – обрадовался Храпов. – Там тоже интересные кадры появляются.

– Постарайтесь вспомнить, кого вы видели на парковке или у центральных ворот в субботу?

– Много кого. Санитаров наших из наркологии видел. Те всегда к третьей скамейке подтягиваются покурить. Нонну Владимировну, санитарку из хирургии, видел. Она у нас женщина деятельная, везде успевает. Пациенты за глаза «Энерджайзером» ее называют.

– А посторонних видели?

– Да там много кто бывает. Всех разве упомнишь? – ответил Храпов.

– Расскажите о тех, кто особо запомнился, – попросил Лев.

– А, я понял! Это типа гипноза, только спать не нужно, – и Санюра радостно рассмеялся. – Так бы сразу и сказали. Надеетесь мои воспоминания получить?

– Что-то вроде того. Есть у меня идея одна, хочу проверить.

– Ну, охранник из сторожки выходил. Пацанов от калитки гонял. К нашей клинике всегда любопытные пацаны слетаются. На нас, наркош, посмотреть хотят. Только нас во внешний двор не выпускают. Потом там врачи бывают. Машины поставят – и на крыльцо. А за козырьком их уже не видать. Посетители все больше в будние дни приходят, когда главврач на месте.

И тут Санюра замолчал и, выпучив глаза, уставился на Гурова. Даже рот приоткрыл от удивления. Адвокат забеспокоился.

– Что случилось, Александр? На вас лица нет, – приподнявшись с места, спросил он.

– Я вспомнил! – тихим шепотом произнес Храпов.

– Что именно? – Гуров напрягся.

– Мужика вспомнил! Он у дерева стоял. Спинай прислонился, будто отдохнуть решил, а лицо в сторону крыльца повернуто было.

– Когда это было? В субботу? – уточнил Лев.

– Да, в субботу. Только он не один раз приходил. Я его накануне у ворот видел. Утром рано. Нам не положено из боксов до восьми утра выходить, вот я у окошка и сидел, своего часа дожидаясь. Персонал в основном к восьми подтягивается, самое оживленное время у ворот. Я его тогда в первый раз заметил.

– В пятницу? – переспросил Гуров.

– Ага. В пятницу. А в субботу он на территории ошивался. У дерева.

– Он просто стоял или общался с кем-то?

– Нет, ни с кем не общался. Просто стоял и курил. Три сигареты выкурить успел, пока я у окна наблюдал. Потом я на ужин пошел, а после уже стемнело, в окно пялиться смысла не было, – вспоминал Храпов.

– Как он выглядел, мужик этот?

– Да обычно выглядел. Высокий, бритоголовый, в кожаной куртке. Брюки темные. Может, спортивные, а может, и подороже, издали не разобрать, да я и не старался. Я про него вообще не думал, пока вы вопросы задавать не начали.

– При случае опознать сможете?

– Вряд ли. Если только снова его к дереву поставить, – с сомнением в голосе ответил Санюра, а потом вдруг спросил: – Это он Леночку кокнул?

– Пока не знаю, но ваши сведения для нас очень важны, – сказал Гуров.

– Как насчет освобождения моего подзащитного? – поняв, что допрос подошел к концу, подал голос адвокат. – Я полагаю, у вас на него ничего нет?

– Этот вопрос не мне решать, – нехотя ответил Лев. – О результатах допроса доложу начальству, а они уж будут делать выводы. Думаю, для вас, Александр, дело закончится благоприятно. Если, конечно, не всплывут новые факты. А пока придется посидеть.

– Эх, жалко, что я его как следует не разглядел, а то дал бы вам полный расклад. За Леночку поквитался бы с этим бугаем.

Гуров нажал на кнопку вызова охраны. Охранник увел Храпова, адвокат сухо кивнул Гурову и тоже ушел, а полковник все продолжал сидеть, уставившись в одну точку. Фигура незнакомца могла иметь решающую роль в деле Баландиной. Не верить показаниям Храпова оснований не было. Если раньше Лев только сомневался в виновности парня, то после личной беседы все сомнения отпали. Санюра девушку не убивал, это однозначно. И про бугая у дерева не соврал. Только что это дает ему, полковнику Гурову? Личность убийцы как была не известна, так и осталась. И ни одного мотива, ради которого стоило отправлять девушку на тот свет, да еще таким зверским способом. Так и не придя ни к какому выводу, Гуров покинул следственный изолятор и поехал в Управление. Он надеялся, что капитан Жаворонков успел накопать информацию по убитой и по сотрудникам клиники.

Он сразу прошел в свой кабинет. Как и ожидал, на письменном столе лежала стопка бумаг, подготовленных капитаном Жаворонковым. Пробежав глазами по первому листу, Гуров позвонил дежурному и поинтересовался, не знает ли тот, где полковник Крячко. Тот сообщил, что полковник уехал час назад. На патрульной машине. Гурову это не понравилось. Немного подумав, он отправился к генералу.

Верочка встретила полковника улыбкой:

– Добрый день, Лев Иванович. Что-то вы к нам зачастили, – проговорила она, протягивая руку к селектору. – Доложить генералу о вашем приходе?

– Крячко был здесь? – спросил Лев.

– Заходил, – односложно ответила секретарша.

– Тогда докладывай.

– Товарищ генерал, к вам полковник Гуров, – нажав кнопку громкой связи, произнесла Верочка.

– Пусть заходит, – донесся голос генерала.

Лев открыл дверь и, едва переступив порог, сразу задал вопрос:

– Крячко отправился в клинику?

– И тебе доброго здоровья, полковник, – шутливо ответил Орлов. – Значит, вы разминулись?

– Крячко отправился в клинику? – повторил Гуров, отменяя шутливый тон начальства.

– Да. С моего одобрения, между прочим, – перешел на строгий тон генерал. – А ты что, этим недоволен? Желаете обсудить приказ начальства?

– Это из-за тех данных, что Жаворонков накопал? – сбавил тон Лев.

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответил Орлов.

– Нельзя его сейчас брать, товарищ генерал. Есть информация, что в клинике в день убийства находился посторонний. Если это звенья одной цепи, мы рискуем спугнуть подельника Завьялова.

– А ты, значит, во всем с ходу разобрался и даже подельника уже определил? Быстрый ты парень, Лев Иванович.

– Никак нет. В деле много нюансов, и разобраться в них я не успеваю только по той причине, что кое-кто играет по своим правилам, – заявил Гуров. – Почему не дождались результатов допроса Храпова? Или с него уже сняты обвинения?

– Ситуация требовала быстрого реагирования, – объяснил Орлов.

– Да ни черта она не требовала, – взвился Лев, – кроме осмысления. Кое-кто забыл умное изречение о тех, кто поспешает и совершает необдуманные поступки. Ну, возьмет Крячко Завьялова. Что он ему предъявит? Ничего! У нас по уликам круглый ноль. И по фактам не лучше. Храпова взяли, а что толку? Кроме головной боли от вышестоящих инстанций ничего это не даст. То же будет и с Завьяловым, помяните мое слово.

– Снова оперская интуиция? – отчасти признавая правоту полковника, произнес Орлов.

– Да не успевает моя интуиция за инициативой Крячко! – воскликнул Лев, выходя из себя. – Вот скажи, Петя, куда он поперся? В Управлении ему дел мало? Он даже по личности убитой информации не дождался.

Разговаривать в подобном тоне с генералом Гуров мог позволить себе нечасто, да и то на правах давнего друга. Орлов понял, что в настоящий момент полковник разговаривает с ним не как с начальником, а именно как с другом, поэтому и реакция его была соответствующая. Вместо того чтобы одернуть зарвавшегося полковника, он примиряющим тоном произнес:

– Ну чего ты так кипятишься, Лева? Ничего непоправимого еще не произошло. Стас уехал не более часа назад. Сейчас он как раз только подъезжает к клинике. Позвони ему и отмени арест. И сам туда поезжай. Пообщаешься с Завьяловым на месте, в рамках общего допроса, так сказать. А уж после будешь решать, стоит его тащить к нам или нет.

Гуров тут же вытащил телефон и стал набирать номер Крячко... В ответ из трубки раздавались лишь длинные гудки, Крячко не отвечал.

– Вот тебе и ответ, Петя, – многозначительно взглянул Лев на генерала. – Не желает полковник Крячко отвлекаться по пустякам от такого масштабного мероприятия.

– Поезжай туда, Лева, может, еще успеешь.

– Это вряд ли. Если уж Стас что-то задумал, будь уверен, он дело до конца доведет, чего бы это ему ни стоило. Но поехать я все же поеду.

Гуров вышел из кабинета. Орлов проводил его озабоченным взглядом. Он давно привык к тому, что гуровская интуиция помогает расследовать каждое второе дело в Управлении. И к перепалкам между напарниками тоже привык. Но такого яростного натиска со стороны полковника генерал давно не видел и теперь чувствовал себя несколько неловко. «Надо было дожидаться его возвращения, – подумал он. – Посоветоваться, обсудить, а после действовать. Да что теперь? Остается надеяться на то, что убийство Баландиной дело рук одного человека, а не целой банды». Генерал придвинул бумаги, над которыми работал до прихода Гурова, и погрузился в работу, предоставив подчиненным разгребать общую оплошность.

По дороге в клинику Гуров трижды набирал номер напарника, но результат был все тот же – Крячко упорно игнорировал звонки. Подъехав к центральным воротам, он посигналил. Из будки вышел охранник. Лениво взглянул на удостоверение Гурова и поднял шлагбаум. Лев въехал на стоянку и сразу понял, что со Станиславом они разминулись – патрульной машины на стоянке не было. Тем не менее он вышел из машины, решив пообщаться с главврачом, раз уж застать напарника не удалось.

В вестибюле было многолюдно. Проворная санитарка орудовала шваброй, деловитый охранник требовал с посетителей пропуска, медсестры сновали туда-сюда по своим делам. Подойдя к автоматическому турникету, Гуров предъявил охраннику удостоверение и поинтересовался, на месте ли главврач.

– По коридору налево. Альберт Константинович у себя. Проходите, я доложу о вашем приходе, – строгим тоном произнес тот и потянулся к телефону внутренней связи.

– Мой коллега уже уехал? – на всякий случай спросил Лев.

– Минут двадцать назад, – доложил охранник и, услышав в трубке голос главврача, проговорил: – Альберт Константинович, тут к вам из полиции. Что? Нет, это другой господин.

Дождаться окончания разговора Гуров не стал. Прошел в указанном направлении, отыскал дверь с табличкой «Главврач» и решительно открыл дверь. За столом сидел слащавого вида мужчина. Лет ему было никак не меньше, чем Гурову, но он явно старался скрыть свой истинный возраст. Густая шевелюра жгуче-черного оттенка, холеное лицо. Из-под халата выглядывал воротничок рубашки розового цвета. Ворот украшал шейный платок канареечной расцветки. «Он что, волосы красит? – промелькнула в голове Гурова мысль, едва он бросил взгляд на главврача. – Вот дела! Уже и врачи этим не брезгуют».

– День добрый. Чем могу служить? – расплылся в улыбке мужчина.

– Альберт Константинович? – Гуров вопросительно взглянул на него и, дождавшись положительного кивка, представился сам: – Полковник Гуров Лев Иванович. Я по поводу убийства.

– Мне уже доложили, – приподнимаясь в кресле, сказал главврач. – Ваш коллега совсем недавно имел со мной беседу. Правда, весьма короткую, он очень торопился.

– Не переживайте, я смогу уделить вам гораздо больше времени, – слегка улыбнулся Лев. – Надеюсь, вы сможете ответить на несколько вопросов. Ваш рабочий день не слишком насыщен?

– Для вас я выделю время, – поспешил заверить главврач. – Жаль, не удалось встретиться раньше. Что поделатъ, жизненные обстоятельства иногда против нас.

– Позвольте поинтересоваться, что помешало вам вчера вернуться в город? – Гуров не собирался задавать этот вопрос, но беззаботный вид главврача буквально заставил сделать это. У него просто в голове не укладывалось, как человек, занимающий столь высокий пост, может так спокойно реагировать на происшедшее.

– Мы с семьей выезжали на природу, – ответил главврач. – У жены был юбилей. После всех возлияний, что случились накануне, я не решился садиться за руль, а дергать водителя посреди законного выходного мне показалось бестактным.

– Действительно, как это я не подумал об этом, – съязвил Лев. – Да и повод не настолько значимый, верно?

– Право, вы напрасно иронизируете, – залился краской Альберт Константинович. – Я искренне сожалею о случившемся. Леночка была прекрасным работником. Подавала такие надежды...

– Если позволите, я перейду к делу, – предложил Гуров, у которого совершенно не было желания выслушивать лицемерные речи главврача.

– Как вам угодно, – слегка обиженным тоном произнес тот. – Что вас интересует?

– Кто выписывает пропуска посетителям? – задал первый вопрос Гуров.

– Лечащий врач.

– Вашего одобрения не требуется?

– В редких случаях, – ответил главврач. – Если только пациент поступил недавно и врач не решается взять на себя ответственность за его психологическую устойчивость, а родственники настаивают. Понимаете, мнение родственников для нас немаловажно. Частные клиники существуют на их пожертвования.

– Есть какие-то определенные часы посещений?

– Да, существует строгий график. В будние дни с одиннадцати до часу дня и с семнадцати до восемнадцати тридцати. Встречи проходят в гостевой зале.

– А в выходные дни посещений совсем нет?

– В этом вопросе бывают исключения. Некоторые пациенты приезжают к нам издалека, и тогда мы позволяем родственникам посещения по субботам.

– Почему именно по субботам? – потребовал пояснения Гуров, так как его интересовал как раз этот день недели.

– В клинике в этот день достаточно персонала. В воскресные дни тут только четверть сотрудников – дежурные врачи и несколько санитаров, – объяснил Альберт Константинович. – В этот день посетителям некому уделить должного внимания.

– Вход и выход посетителей контролируется? – предположил Гуров.

– Естественно. Охранник, что дежурит у центральных ворот, обязан записывать всех посетителей в журнал.

– И это правило выполняется неукоснительно?

– Конечно. Почему вы спрашиваете? Думаете, убийца проник в клинику с улицы? – насторожился главврач. – Ваш коллега считает иначе. В противном случае чего ради он примчался бы сюда с двумя автоматчиками и забрал моего ведущего хирурга?

– Есть информация, что в день убийства на территории клиники находился посторонний, – объяснил Гуров.

– Посторонние могут находиться внутри здания лишь в гостевой комнате, охранник при входе за этим следит. Дальше первого этажа никто пройти не может. Леночку же убили на третьем этаже, – напомнил главврач.

– Посторонний находился не в здании. Его видели на территории.

– Позвольте узнать, откуда данная информация?

– Ваш пациент, Александр Храпов, видел незнакомого мужчину в парке. Он пробыл там довольно долгое время, – не стал скрывать Гуров.

– Почему он решил, что это посторонний? Быть может, это был кто-то из персонала? – возразил Альберт Константинович.

– Тогда, возможно, вы узнаете его по описанию. Он довольно высокий крепкий мужчина. Ходит в темной кожаной куртке и темных брюках. Курит сигареты. Я понимаю, что описание расплывчатое, но одежда для нашего времени не типичная. Кожаные куртки вышли из моды лет десять назад.

– Простите, полковник, но я не веду контроль за гардеробом сотрудников, – ответил главврач. Голос его при этом звучал напряженно. По крайней мере, Гурову показалось именно так.

– Печально. Вы могли бы сильно облегчить нашу задачу, – произнес он. – Быть может, дадите кому-то задание выяснить, кто из сотрудников клиники имеет кожаную куртку?

– С удовольствием сделаю это и о результатах сообщу по телефону.

– У меня еще один вопрос: как к вам в клинику попал доктор Завьялов?

– По объявлению, – поспешно ответил главврач. – Клинике срочно требовался квалифицированный хирург. Завьялов прислал резюме. Мне показалось, что его кандидатура подходит.

– Вы знали о том, что Завьялов проходил подозреваемым в деле об убийстве?

– Нет, конечно. За кого вы меня принимаете?! – воскликнул Альберт Константинович. – Ваш коллега уже задавал подобный вопрос. Мы подняли личное дело Анатолия Витальевича. Там со справкой о судимости полный порядок. Насколько я понял из слов доктора Завьялова, обвинение не подтвердилось. Его даже не судили, так чего же вы хотите от меня?

– Ровным счетом ничего. Разве что не покидать пределов города, пока идет следствие. Во избежание повторения воскресных возлияний.

Альберт Константинович усмотрел в словах полковника осуждение и, набрав в легкие побольше воздуха, с вызовом проговорил:

– В нашей стране каждый гражданин имеет право на отдых. В том виде, который считает для себя целесообразным. Или мы уже живем в полицейском государстве?

– Ни в коем случае, – с утрированным почтением ответил Гуров. – Могу я попросить вашего охранника с центральных ворот и того, что охраняет вход в корпус, продублировать списки посетителей за последний месяц?

– Как вам будет угодно, – обиженно буркнул Альберт Константинович. – Я вам больше не нужен?

– Думаю, на сегодня достаточно, – кивнув, произнес Лев и покинул кабинет.

Глава 5

На то, чтобы скопировать списки посетителей, времени потребовалось ровно столько, сколько занял путь до копировальной машины, расположенной в главном холле клиники. Расставив списки по карманам, Гуров сел за руль, включил зажигание и отправился в обратный путь. Первым, кого он встретил в Управлении, был Стас Крячко. Он стоял на крыльце, переминаясь с ноги на ногу. Осенний ветер не располагал к прогулкам.

– Здорово, Лева! А я вот тебя жду, – радостно помахал рукой Стас выходящему из машины Гурову. – Генерал сказал, ты за мной укатил. Долгонько же тебя не было. Общался с Альбертом Константиновичем?

– Завьялов где? – нахмурившись, спросил Гуров, поднимаясь на крыльцо.

– В «обезьяннике» закрыли, – сообщил Крячко. – В СИЗО не повезли, генерал велел сначала здесь с ним побеседовать, а уж потом все остальное. Я как раз для этого тебя и жду. Пойдем, что ли?

– Вот ты мне скажи, друг мой сердечный, какого рожна ты поперся в клинику? Чего ради приволок сюда несчастного хирурга? Что ты надеешься услышать от него во время допроса?

– А что я, по-твоему, должен был делать? Сидеть сложа руки и дожидаться, пока он смоемся из города, а быть может, и из страны? – защищался Крячко. – Кстати, наши ребята посетили его квартиру. Не хочешь узнать, что они там нашли?

– Нисколько, – огрызнулся Лев. Он все еще сердился на Крячко за его спешку.

– А не хочешь узнать, кто непосредственный начальник той прелестной девицы, что посетила нас утром и к тому же является последним человеком, с которым Елена Баландина общалась в приватной обстановке? – не сдавался Станислав.

Последний вопрос заинтересовал Гурова.

– Будем на крыльце проблемы обсуждать или пойдем в кабинет? – проговорил он и уже более дружелюбным тоном добавил: – Холодно тут.

На это предложение Крячко охотно согласился. В кабинете он передал Гурову разговор с Камиллой, а также описал подробности задержания доктора Завьялова и свои рассуждения по поводу их возможного сговора. Логика в доводах Крячко присутствовала. Гуров не мог не признать, что, будь он на месте Крячко, вполне вероятно, поступил бы так же.

– Значит, говоришь, ругался Завьялов? – задумчиво произнес он. – И алиби своим в нос тебе тыкал?

– Не то слово, – воодушевился Крячко. – Как только я к нему в кабинет вошел, он тут же сообразил, чего ради я явился, и давай юридическими терминами сыпать. И про презумпцию невиновности вспомнил, и полицейский произвол приплел. А уж с какой радостью он адреса дружков своих диктовал, у которых он якобы с двух часов субботнего дня до утра понедельника зависал! И не пытайтесь, говорит, на меня это убийство повесить. Зубы обломаете.

– Так прямо и сказал? – заулыбался Гуров.

– Слово в слово. Я, говорит, с вашим братом, полицейским, имел знакомство. Теперь ни минуты в одиночестве не остаюсь. Вам палец дай – вы по локоть руку оттяпаете, а оно мне надо? – рассказывал Крячко.

– Еще не допрашивал?

– Орлов велел тебя ждать. Пусть, говорит, Гуров на него свежим, не замутненным подозрениями взглядом посмотрит, – ответил Крячко. – А я что? Я человек подневольный. Приказали – я жду.

– Ты обещал рассказать, что в завьяловской квартире нашли, – напомнил Лев.

– А что нашли? Чемоданчик упакованный. На одну персону. Валишь наш доктор собрался, как пить дать.

– Жену и детей, значит, с собой брать не собирался?

– Может, надеялся, что пронесет. А пожитки на всякий случай держал. Дети за отца не ответчики, да и жена тоже. Скорее всего, он надеялся, что они смогут позже к нему присоединиться. А может, бросить их хотел. Да что гадать? Допросим и все узнаем. Здесь беседовать будем или в допросной?

– Пойдем в допросную. Только сначала у Валеры узнаем, что он успел накопать по жертве.

Гуров созвонился с капитаном Жаворонковым. Тот попросил еще полчаса для создания полной картины, сославшись на то, что ждет ответа на какой-то запрос. Гурова это устраивало. За время ожидания они с Крячко успеют побеседовать с Завьяловым, решил он и дал отмашку на то, чтобы задержанного доставили в допросную. Туда же попросил принести результаты смывов с рук подозреваемого и результаты осмотра его одежды.

Лев вошел в допросную первым. За столом, сгорбившись, сидел шупленький мужчина. Вид у него был абсолютно не воинственный. «Не так я его себе представлял, – подумал сыщик. – Хотя тебе ли не знать, насколько обманчивой бывает внешность?» Придвинув стул к столу, он сел напротив Завьялова и начал:

– Гражданин Завьялов Анатолий Витальевич? Полковник Гуров Лев Иванович. Следователь по особо важным делам. Московский уголовный розыск.

Завьялов медленно поднял голову, бросил на него презрительный взгляд и снова ее опустил. На Крячко он даже не взглянул.

– Вам сообщили, по какой причине вы задержаны? – продолжил Гуров. Завьялов снова промолчал. – Вы подозреваетесь в убийстве гражданки Баландиной Елены Борисовны. Она работала в Экспериментальном центре в наркологическом отделении.

– Я знаю, где она работала, – перебил его Завьялов. – А также знаю, что на время убийства у меня имеется железное алиби. Мне непонятно другое: каким образом у вас, при моем алиби, еще остаются ко мне вопросы? Или в вашем «особо важном отделе» народу не хватает, чтобы оперативно проверить мои показания?

– Информация о вашем местонахождении на момент убийства проверяется, – бросив вопросительный взгляд в сторону Крячко и получив утвердительный кивок, ответил Лев. – Но наличие алиби на конкретное время не освобождает вас от подозрений полностью. Полковник Крячко уведомил меня, что вы довольно хорошо ознакомлены с процедурой дознания. Из этого я делаю вывод, что вы в курсе такого термина, как «заказное убийство». В этом случае подозреваемому вовсе не обязательно находиться на месте преступления. Достаточно одного желания совершить нечто подобное.

– Я понял. Квест усложняется. Теперь я уже не просто убийца. Я – наемник, который с помощью «бабла» разруливает свои проблемы, – скривился Завьялов в ехидной улыбке. – И какой же уровень помешала мне пройти эта ничем не примечательная девица?

– Увлекаетесь компьютерными играми? Только здесь вам не виртуальный мир. Здесь все по-настоящему. – Гурова покорило сравнение, брошенное Завьяловым, но он постарался ничем не выдать это. – Убита девушка. Ваша коллега. И это совершенно не смешно.

– Разве я смеюсь? – угрюмо сдвинул брови Завьялов. – Просто пытаюсь обороняться.

– Если вы не причастны к смерти девушки, обороняться вам незачем, – заметил Лев.

– В прошлый раз следователь тоже пел эту песню. Вы ее слова в академии на первом курсе учите, что ли? Уж больно текст схож, – огрызнулся допрашиваемый.

– В этом вы правы. Сведения о предыдущем убийстве, в котором фигурировало ваше имя, являются прямой причиной вашего нахождения здесь, – не стал скрывать Гуров. – Посудите сами, не прошло и года с того момента, как вас подозревали в аналогичном преступлении. Вот если бы перед вами сейчас лежал пациент, у которого застарелый аппендицит выглядит точно так же, как тот, что вы оперировали год назад, как бы вы стали его лечить? Думаю, без сомнения применили бы испытанный ранее метод.

– Странная аналогия, – протянул Завьялов. – К вашему сведению, абсолютно одинаковых случаев в медицине не встречается.

– Вы не поверите, но в расследовании убийства происходит то же самое. Не существует двух одинаковых преступлений. Подобные – да, но идентичные – это из области фантастики. А теперь отставим в сторону теологические дебаты и приступим к допросу. Вы готовы защищать себя, гражданин Завьялов, или будете настаивать на присутствии адвоката?

– У меня есть выбор? – усмехнулся доктор.

– Боюсь, что нет. Единственное, что вы можете выиграть, настаивая на предоставлении адвоката, – это время. Так или иначе мы раскрутим это дело.

– Ладно, задавайте свои вопросы. Скрывать мне нечего, а вам я, по непонятной мне самому причине, верю. Рискнем, полковник? – Завьялов улыбнулся и подмигнул Гурову.

Тот едва сдержался, чтобы не подмигнуть в ответ. Несмотря на то что Завьялов занял оборонительную позицию, а может быть, и благодаря этому, Гурову он импонировал. Второй раз в жизни человек попал в патовую ситуацию, но не потерял ни чувства юмора, ни воли к борьбе. Это не могло не подкупать.

– Вопросы будут простые, но, отвечая на них, вы не должны забывать о том, что все сказанное вами может быть использовано против вас, – напомнил Гуров. – Я не собираюсь топить вас намеренно. Единственным моим желанием является желание докопаться до истины. А теперь сами вопросы. Вы были лично знакомы с убитой?

– Нет. Я знал ее лишь по той причине, что какой-то процент пациентов наркологии попадает туда через наше отделение, – ответил Завьялов.

– Поясните.

– Так вы не в курсе специфики работы Центра? – удивился Завьялов и начал объяснять: – В Экспериментальном центре не существует хирургии как таковой. Мы, если можно так выразиться, лишь вспомогательное звено для решения глобальных проблем избавления мира от наркотической зависимости. Представьте такую ситуацию: обдолбанный наркоша попадает под колеса грузовика, или выпадает из окна десятого этажа, или напарывается на нож такого же наркоши, и его кишки вываливаются из брюшной полости. Что делать с такими пациентами? Везти в областную больницу, где им, вместо скорейшего получения квалифицированной помощи, предстоит проваляться сутки с распоротым животом на больничной кушетке? И это еще в лучшем случае. Главврач нашей клиники, Альберт Константинович, предложил лучший, на мой взгляд, вариант развития событий. Как только выясняется, что пациент наш, то есть наркозависимый элемент, врачи областной больницы связываются с нами. Мы находим родственников пациента и предлагаем свои услуги, начиная с хирургии. Если клиент согласен, пациента тут же переправляют к нам. После того как угроза жизни пациента устраняется, в дело вступает профессор Ухтомцев. Именно он царь и бог в нашей клинике. Общая картина вам ясна?

– Что касается работы Центра – да, – ответил Гуров. – А вот насчет вашего общения с Еленой – не совсем.

– Хорошо, я поясню. Леночка – процедурная медсестра. Разделение на специализацию работы отделений у нас довольно условное. Это значит, что в обязанности Леночки входил забор анализов и у тех пациентов, что находятся в хирургии на восстановительном периоде. Наше дело прооперировать. Прошла операция, и в дело вступают сотрудники наркологии, хотя физически тело больного находится еще в хирургии. Естественно, что при таком распределении обязанностей мы не могли не контактировать с убитой.

– С этим вопросом разобрались, – произнес Гуров. – Теперь относительно Камиллы Войновой. Она-то работала под вашим непосредственным контролем, верно?

– А что не так с Войновой? – меняясь в лице, спросил Завьялов. – Она что, тоже убита?

– Что это вы так разволновались? – вступил в разговор Крячко, до этого терпеливо молчавший.

– А вы бы не разволновались, если бы вашего напарника убили? – вопросом на вопрос ответил Завьялов.

– Если бы убили Гурова? – машинально спросил Крячко, и Завьялов поежился под его ледяным взглядом. – Если бы это произошло, я, пожалуй, не просто разволновался бы. Я бы землю носом рыл, чтобы найти его убийцу.

– Боюсь, мой нос не приспособлен к подобного рода действиям, – пытаюсь сгладить напряжение, пошутил Завьялов. – Но выяснить, кто виновен в смерти Камиллы, я тоже был бы заинтересован.

– Успокойтесь, Камилла жива, – заверил Гуров. – Не далее как сегодня утром она имела беседу с полковником Крячко. Разве она не вернулась в клинику после беседы?

– До того момента, как явился ваш помощник и забрал меня из моего кабинета на глазах у всей клиники, Камилла не появлялась, – ответил Завьялов.

– Странно. От меня она ушла часов в девять, и по ее словам выходило, что отправляется она в клинику, – озадаченно проговорил Крячко. – Думаете, нам стоит беспокоиться из-за того, что до работы она не добралась?

– Это вряд ли, – улыбнулся Завьялов. – Камилла из разряда тех работников, что не упустят возможности провести рабочее время вне работы. Наверняка она сейчас в каком-нибудь бутике, кофточку новую присматривает.

– Случайно не вы ее бойфренд? – выпалил Крячко, сопоставляя сведения, полученные от Камиллы, с поведением Завьялова.

Гуров укоризненно покачал головой, недовольный прямолинейностью напарника. Завьялов же зарделся, как красна девица, и слишком поспешно ответил:

– Я женат, если вы забыли.

– И вам это сильно мешает, – предположил Крячко.

– Почему это должно мне мешать? – вспыхнул Завьялов. – Просто пытаюсь заглушить вашу бурную фантазию в самом зародыше.

– И все же мне бы хотелось получить официальный ответ на вопрос полковника Крячко, – внезапно поддержал Крячко Гуров. – Камилла Войнова – ваша любовница?

– Да с чего вы взяли? – возвысил голос Завьялов, стараясь скрыть волнение, но это ему не удалось.

– Значит, это вы бросили ее в пятницу вечером, – сделал свои умозаключения Крячко. – И вместо вас она пригласила в гости Елену Баландину.

– Я отказываюсь говорить на эту тему, – вконец запутался Завьялов.

– А вот вам и мотив преступления, – вторил Крячко Гуров. – Елена узнала о шашнях Завьялова с Камиллой и, как порядочная женщина, пригрозила выложить все жене Завьялова. Камилла сообщила об этом своему любовнику и потребовала разобраться с девушкой. Только она не думала, что Завьялов воспримет ее слова настолько буквально. Как думаете, гражданин Завьялов, сколько времени потребуется Камилле, чтобы понять, кто убил Леночку?

– Все это бред! – закричал Завьялов. – Наличие любовницы не делает человека убийцей! Все это не более чем ваши полицейские трюки! Чего вы добиваетесь? Что вам от меня надо? Ну, говорите!

– А вот это уже конструктивный разговор, – сбавляя тон, заметил Гуров. – Сейчас я вижу, что вы готовы говорить откровенно и без вранья. Почему год назад именно вас обвинили в убийстве коллеги-врача?

Вопрос оказался неожиданным как для Завьялова, так и для полковника Крячко. Они практически хором воскликнули:

– А это-то тут при чем?

– Просто пытаюсь восстановить полную картину, – пояснил Гуров. – Так почему обвинили вас, Анатолий Витальевич?

Завьялов ответил не сразу. Некоторое время он внимательно рассматривал свои ладони, потом нехотя произнес:

– У нас с ним были разногласия. Об этом знали многие в больнице, вот и напели следователю. А тот долго разбираться не любил. Видели бы вы, как он обрадовался, что я имею повод желать смерти коллеги. Еще бы немного, и он от радости на месте прыгать начал бы. Пришлось его разочаровывать.

– Стоп, стоп! Ваши отношения с прежним следователем пока оставим. Лучше объясните, что за мотив к убийству был вам предъявлен? – попросил Гуров.

– Все дело в женщине, – чуть помедлив, признался Завьялов.

– А еще конкретнее, – слегка раздраженно поторопил рассказчика Крячко. – Было бы неплохо, если бы вы перестали делать паузы после каждой фразы и начали уже излагать складно.

– В то время у меня была любовница, – сознался Завьялов. – Так получилось, что некоторое время спустя она ушла от меня к другому хирургу, а через месяц его нашли убитым в ординаторской. Следователь заявил, что хирурга убил я. На почве ревности, так сказать. Но у меня было алиби. Я на два дня уезжал к родителям жены в областной центр. Они ведут строительство дома, и все два дня я провел на стройке в компании доброго десятка подсобников. Это я и сообщил следователю, но он и слушать не желал. Даже проверять алиби не стал, пока жена адвоката не наняла. Неделью я в камере просидел, потом два месяца от жены выслушивал, и все из-за того, что кое-кто в правоохранительных органах не желает добросовестно работать.

– Здравсте-приехали! Он еще нас обвиняет в том, что мы плохо работаем! – всплеснул руками Крячко. – А ты, мил человек, не пробовал темперамент свой сдерживать и не заводить интрижки на стороне? Быть может, тогда и алиби искать не пришлось бы. И уж тем более история не повторилась бы год спустя.

– А разве она повторяется? – удивился Завьялов.

– А разве нет? Снова ты в главной роли. Снова любовница, в то время как жена никуда не делась. И снова труп, изрезанный скальпелем, – перечислил Крячко.

– Я никого не убивал, – упрямо повторил Завьялов.

– Для чего вы приготовили чемодан? – внезапно спросил Гуров.

– В командировку собирался, меня Альберт Константинович на симпозиум отправляет. Отъезд через три дня, а жена просто любит все заблаговременно делать. Можете проверить.

– Непременно, – ответил Крячко.

В этот момент доставили результаты из лаборатории. Гуров бегло просмотрел бумаги. В отчете было сказано, что следов крови на руках Завьялова не обнаружено. Под ногтями чисто. На одежде следов чужой крови нет, на обуви тоже. Гуров и Крячко переглянулись. Конечно, с момента смерти Елены Баландиной прошло уже более суток, и можно было предположить, что мужчина успел скрыть следы преступления, только Лев все больше склонялся к тому, что прежнее обвинение хирурга и нынешнее преступление – всего лишь совпадение.

– Что скажешь? – вполголоса спросил он у Крячко, кивая на результаты осмотра.

– Надо бы дождаться ответа от дежурного, – заметил Станислав.

Дежурный должен был связаться с участковым Зеленограда для уточнения местонахождения Завьялова с вечера пятницы до утра понедельника. По словам задержанного, этот отрезок времени он вместе с женой и детьми гостил у подруги жены. Повод был серьезный: юбилейная дата супруга хозяйки зеленоградской фазенды. На юбилей съехались многочисленные родственники и друзья. И все они должны были подтвердить присутствие в Зеленограде Анатолия Завьялова. Но и здесь удача была на его стороне. Гуров набрал номер дежурного, задал вопрос и получил исчерпывающий ответ. Участковый Зеленограда выполнил работу добросо-

вестно. Он посетил подругу жены Завьялова, и она подтвердила факт пребывания Анатолия в ее доме с пятницы до понедельника, а также снабдила списком гостей, присутствовавших на юбилее. Обзвонив десять номеров, участковый получил один и тот же ответ: да, Завьялов присутствовал на торжестве неотлучно.

Следующий звонок был профессору Ухтомцеву, но скорее для проформы, чем для подтверждения сведений, полученных от Завьялова. Как и предполагал Гуров, посещение симпозиума действительно было возложено на Завьялова. Узнал он об этом десять дней назад, следовательно, и у его жены была возможность собрать чемодан заблаговременно. Так что все подтверждалось, и надо было отпускать хирурга, что Гуров, с молчаливого одобрения Крячко, и сделал. Взяв с Завьялова подписку о невыезде, его отпустили.

Оба полковника вернулись в кабинет.

– Не нравится мне вся эта история, – ворчал Крячко. – Уж больно у этого Завьялова все гладко получается. В прошлый раз двадцать свидетелей его местонахождение подтвердили, и в этот раз та же история. Обычно одного-то свидетеля найти проблематично, а у Завьялова, как на заказ, хочешь – десять, хочешь – двадцать.

– Случается и такое, – возразил Лев. – Помнишь Василису, что в краже драгоценностей обвиняли? Сколько у нее тогда свидетелей по делу проходило? Тридцать шесть?

– Это танцовщица из стриптиз-клуба, что ли? – заулыбался Станислав. – Вот ты сравнил. Она-то работала, причем не только в день ограбления, но и каждый предыдущий вечер на протяжении двух лет. А наш пострел сидит, сидит дома, потом в гости намылится, и тут как раз убийца вырисовывается, да каждый раз на его работе. Удивительное совпадение, тебе не кажется?

– Или вспомни Гарика Столяра. Сколько раз он свидетелем взрывов проходил? Трижды. И всякий раз оказывался не при делах, – привел еще один пример Гуров.

– Да, с Гариком тоже засада была. Но мы же в конце концов нашли любителя большого «бух». Только после этого с Гарика подозрение было снято.

– Вот и в этом случае так будет. Найдем истинного убийцу, сразу все вопросы по Завьялову отпадут, – пообещал Гуров, склоняясь над бумагами.

Это оказался отчет Жаворонкова: досье на Баландину, с комментариями капитана. Гуров успел прочесть половину отчета, прежде чем до Крячко дошло, отчего это его товарищ так сосредоточен.

– По убитой сведения? – уточнил он на всякий случай.

Гуров утвердительно кивнул.

– Читай вслух. Время сэкономим, – предложил Стас.

– Баландина Елена Борисовна, – начал Гуров. – Уроженка города Нижневартовска...

Далее шли дата рождения, места учебы, характеристики из школы и института, добытые кем-то особо предусмотрительным из нижевартовских оперов. После описания детства и юности девушки пошли индивидуальные сведения, на которые Гуров счел нужным обратить особое внимание.

– Итак, родители девушки умерли. Отец – через год после рождения второго ребенка, мать – спустя восемь лет после кончины мужа. В тот момент Елене Баландиной едва сравнялось шестнадцать, а ее брату, Баландину Владимиру, всего девять. Воспитывала их престарелая бабка по отцовской линии. Официально функции опекунов исполняла двоюродная тетя, но на деле детьми не интересовалась. Так написано в досье.

– Значит, нужно брата искать. Неприятные новости сообщать, – заметил Крячко.

– Боюсь, неприятные новости ждут не только брата погибшей, – медленно протянул Гуров, второй раз перечитывая последнюю строку в досье Елены. – Знаешь, как Баландина оказалась в Москве? Она приехала сюда для того, чтобы быть ближе к брату.

– А брат собрался покорять столицу? – предположил Крячко. – Правильное решение. Что молодым людям делать в этом Нижневартовске? Прохожих грабить?

– Не в бровь, а в глаз, полковник, – усмехнулся Гуров. – Только вот Москву покорить у него не получилось. Он прибыл сюда, будучи сам покоренным. По этапу.

– В каком смысле? – не понял Крячко. – Хочешь сказать, что Владимир Баландин – зэк?

– Именно. Он отбывает наказание в казенном учреждении «Колония-поселение № 3» в городе Электросталь Московской области. Вот, смотри. Черным по белому. Теперь понятно, откуда у Баландиной билет на электричку до Электростали. Она к брату ездила.

– Да, дела... – протянул Крячко. – С каждой минутой все интереснее и интереснее. Третий подозреваемый за сутки. Нехилый уловчик, а, Лева? Хотя этот-то вряд ли причастен. Он же в колонии, под охраной сидит. Разве что дружков подослал.

– Надо проверить, – проговорил Гуров и взялся за телефон.

Позвонил он непосредственно начальнику колонии. Тот, выслушав просьбу Гурова дать информацию о заключенном, сухо отказал, сославшись на строгую процедуру. Отправляй, мол, запрос – получишь официальный ответ. Гуров сделал еще одну попытку договориться, минуя длинную процедуру официального запроса, но с тем же успехом. Пришлось отступить.

– Странно. С чего это он скрытничает? – задумчиво проговорил Лев, кладя трубку. – Уж откуда, а с этой стороны я препятствий не ожидал. Что-то здесь неладно.

– Цену набивает, – предположил Крячко. – Не любят они столичных оперов.

– Да нет. Не думаю, что дело только в этом. Что-то мне подсказывает, что у начальника колонии есть более веская причина утаивать информацию. Что ж, придется натравить на него генерала. Пусть ускорит процесс.

С этими словами Гуров вышел из кабинета.

Глава 6

Владимир Баландин, или попросту Баланда, как называли его приятели, стоял напротив центрального входа в Главное управление Министерства внутренних дел и решал важный для себя вопрос: войти или пуститься в бега. Инстинкт самосохранения кричал о том, что нужно «рвать когти». Кодекс чести же вопил: сделай это, иначе к чему было начинать. Сестра, единственный близкий человек, вторые сутки лежит в полицейском морге. Его сестра, Леночка, которая, будучи сама ребенком, не позволила младшему брату сгнить в исправительном учреждении, когда вопрос стоял ребром. Мог ли он уйти? Нет, конечно. Но и решиться переступить порог Управления было не так-то просто.

Вот уже сутки он находился на нелегальном положении. А все из-за того, что в колонии-поселение пришло известие о смерти сестры. Незадолго до этого Владимир получил от сестры письмо. Оно пришло еще в четверг. Двое суток Баланда пытался сам принять решение, как помочь сестре выпутаться из сложной ситуации. Знающие люди советовали обратиться к начальнику колонии-поселения, которого в среде осужденных звали не иначе как Суровый, но Баланда медлил. Он привык сам решать свои проблемы. Не вышло. В итоге решил последовать совету приятелей, но, как оказалось, решение пришло с задержкой. С непоправимой задержкой. Разговор с Суровым так и не состоялся. Вместо этого Баланда пустился в бега.

Когда в понедельник до него дошла информация о том, что его персоной интересуются мировские следователи, он удивился. Статья, по которой он был осужден, была несерьезная. Новых правонарушений он не совершал. И вообще вел себя образцово. С чего же тогда этот интерес? Знающие люди просветили, выложив новость о смерти сестры. Вот тут-то Баланда снова сделал неверный ход – воспользовавшись относительно свободным перемещением, сбежал. На что он рассчитывал, совершая побег? На то, что удастся поймать убийц сестры? На этот вопрос у него ответа не было, похоже, в тот момент у него просто «крышу снесло». Как не было и представления о том, где искать убийцу сестры.

Жалел ли он сейчас о побеге? Возможно. Но возврата к прошлому быть не может, и теперь ему предстояло сделать очередной выбор: пойти к ментам или оставить надежду покончиться с убийцами сестры. Когда он принял решение бежать, у него была надежда на то, что, оказавшись он на свободе, удача обязательно улыбнется. Он отыщет обидчиков и расправится с ними. Теперь-то Владимир понимал, что то была не надежда, а глупость.

В квартиру сестры он попал без проблем, но отыскать ниточку, ведущую к ее убийцам, ему не удалось. Оставалось одно: пойти к следователю, ведущему дело сестры, и выложить все как есть.

На крыльцо Главка вышел человек в форме, и Баланда весь подобрался – сейчас или никогда. Он оттолкнулся от стены, которую битый час подпирал спиной, и двинулся навстречу полицейскому в погонах полковника. Тот неторопливо, жестом заядлого курильщика, вытряхивал сигарету из пачки. Бросив равнодушный взгляд на Баланду, он затаился и выпустил густой клуб дыма. Поднявшись по ступеням, Баланда остановился напротив полковника и задал довольно глупый вопрос:

– Вы здесь работаете?

– Нет, покурить зашел, – усмехнувшись, съязвил полковник. – А тебе, видно, пообщаться не с кем?

– Не то чтобы, – протянул Баланда. – Скорее, не все равно, с кем.

– Проблемы? – снова спросил полковник, на этот раз более заинтересованно.

– Мне бы пару вопросов задать, – кивнул Баландин.

– Так тебе к дежурному, – посоветовал полковник. – Он здесь для того и поставлен, чтобы на вопросы отвечать. Не пробовал обратиться?

- Дежурный слишком мелко плавает. Мне бы кого посолиднее.
- Типа меня?
- Вроде того.
- Куришь? – неожиданно спросил полковник.
- Угощаете? – в тон ему ответил Баланда.

Полковник протянул пачку сигарет, которую не успел убрать. Баланда вытянул сигарету, вытряхнутую из пачки, вставил в рот. Полковник щелкнул зажигалкой и усмехнулся:

- Марка подходит?
- Сгодится, – кивнул Баланда.

Некоторое время они молча курили. После третьей затяжки полковник снова заговорил:

- Так что у тебя за проблема, парень?
- Сестру убили. Хочу разобраться.
- Хреново, – протянул полковник. – Имя у сестры есть?
- Елена Баландина.

Полковник мгновенно переменялся в лице и, отбросив сигарету в сторону, воззрился на Баланду:

- Баландина? Очень интересно.
- Вы, что ли, следователь?
- В точку попал, парень. Пойдем-ка, дружок, в другой раз покуришь.
- Пошли, – коротко ответил Баланда, поняв, что не прогадал с полковником. – Только

кипиш не поднимайте, бежать я не собираюсь.

- Даже не думал об этом, – покривил душой полковник. – Пойдем, парень!

Он пропустил Баланду вперед, цепким взглядом следя за тем, чтобы у того не возникло желания дать деру. Пост дежурного они миновали без проблем. Полковник поднял руку в предупредительном знаке, давая понять, что посетителю здесь дают «красный свет». Дежурный не возражал. Только козырнул в ответ.

- Прямо по коридору, – скомандовал полковник. – Третья дверь та, что тебе нужна.

Баланда не возражал. Он уже понял, что попал по назначению. От былых сомнений не осталось и следа. Теперь его главной заботой было успеть сообщить все необходимое до того, как его вернут в колонию. В кабинет они вошли практически одновременно. Там Баланда увидел еще одного полковника, склонившегося над бумагами, живописной горой возвышающимися над столом. Услышав звук открывающейся двери, полковник буркнул под нос:

– Накурился, бездельник? – Он оторвал глаза от бумаг и, увидев, что напарник вернулся не один, тут же сменил тон: – Так вы не один, полковник Крячко?

- Сюрприз, Лева, – радостно возвестил Станислав. – Угадай, кого я тебе привел?

Баланда переводил взгляд с одного полковника на другого. Тот, что следовал за ним, улыбался. Тот, что был в кабинете, ожидал объяснений.

- Не хотите представиться моему другу? – предложил полковник.

– Владимир Баландин, – неуверенно произнес Баланда. – У меня информация по убийству Елены Баландиной.

Полковник Крячко следил за реакцией Гурова и был весьма доволен его искренним удивлением.

– Что, Лева, не ожидал подобного эффекта? А ты утверждал, что от курения один вред. Надеюсь, теперь изменишь свое мнение на эту тему? – Он плотно прикрыл дверь и повернулся к Баланде: – Знакомьтесь. Полковник Гуров. Он ведет дело твоей сестры. Я у него на подхвате. Стас Крячко, тоже полковник, как ты успел заметить.

– Кому информацию «сливать»? – растерялся Баланда, не ожидавший, что прием будет настолько будничным.

– Присаживайтесь, – предложил Гуров. – Я действительно полковник Гуров Лев Иванович. И я веду дело Баландиной Елены. Вся имеющуюся информацию можете передать мне.

Баланда уселся на указанный Гуровым стул.

– Решили сдаться? – начал Лев. – Мы уже в курсе того, что вы покинули территорию колонии, не испросив позволения начальника, попросту говоря, сбежали. Хотелось бы понять, ради чего?

О том, что брат убитой Баландиной бежал из колонии-поселения, опера узнали благодаря вмешательству Орлова. После того как начальник колонии отказался сотрудничать с Гуровым, тот обратился за помощью к генералу. На запрос Орлова ответ пришел в течение часа, тогда-то и выяснилась причина нежелания начальника колонии предоставить информацию о заключенном. За час до звонка Гурова ему сообщили, что Владимир Баландин сбежал. Удивительно еще, что он добрался до Главка, когда вся московская полиция разыскивала его целые сутки.

– Мою сестру убили, – коротко ответил Баланда.

– И это послужило сигналом к бегству?

– Вы хотите узнать, кто убил Лену? – вопросом на вопрос ответил Владимир.

– Решение этой задачи является приоритетным на данный момент, – сухо проговорил Гуров. – Вам есть что сказать по этому поводу?

Вместо слов Баланда вынул из заднего кармана брюк измятый листок и заявил:

– Прочтите, и вам все станет ясно.

Уговаривать Гурова не пришлось. Развернув лист бумаги, он начал читать. Дойдя до третьей строчки, он вдруг поднял голову и посмотрел на Баландина:

– Быть может, будет лучше, если я стану читать вслух? – Тут много интересного.

Не встретив возражений, он начал читать.

– «Недавно кое-что случилось. Не знаю, как реагировать на это. Голова кругом. В письме всего рассказать не могу, но чувствую, что из-за этого у меня могут возникнуть серьезные неприятности. Мои опасения подтверждаются тем, что вот уже несколько дней за мной ходит один тип. Не подумай, что это паранойя. Я уверена, что он следит за мной. Несколько раз я видела его возле клиники. А вчера он ошивался у моего дома. Не знаю, почему он до сих пор никак себя не проявил, но, думаю, он выжидает. Не спрашивай меня, чего он ждет, я и сама не знаю. Быть может, хочет убедиться, что я не пойду в полицию. Да, да, все настолько серьезно, что мне теперь нужна их помощь, а возможно, и охрана. Решиться пойти в полицию я никак не могу. Страшно! Если бы ты видел этого бугая, то понял бы причину моего страха. Он точно бандит! Рост под два метра, голова бритая, ходит в «кожанке», как в девяностые. А какие у него руки! Не руки – кувалды. И наколки на пальцах. На всех. Даже издалека видно. А еще у него мочка правого уха оторвана или отрезана, уж и не знаю. Выглядит жутко, будто отгрыз его кто. Вот такой типчик теперь за мной увивается. Посоветуй, как быть. Я знаю, ты полицию не жалуешь. Да и странно было бы, будь иначе, учитывая, через что тебе пришлось пройти. Только вот мне не до миндальничанья. Боюсь я, Вовик. Жутко боюсь. Домой идти и то страшно. Хоть не выходи из клиники. Хорошо еще, профессор частенько на машине меня до дома подвозит. Мы сейчас готовим материал к представлению широкой общественности его методики. Задерживаться приходится допоздна. Видимо, он считает своим долгом доставить меня домой в целости и сохранности. Учитывая обстоятельства, я не отказываюсь. Да ведь он не всегда имеет такую возможность. То пациенты отвлекают, то работа затягивается. Короче, жду не дождусь, когда смогу пообщаться с тобой не через бумагу. В воскресенье у меня законный выходной. Даже если профессор будет настаивать на помощи, я ему откажу и приеду к тебе. Очень надеюсь на то, что ты мне что-то подскажешь. Не хочу остаток жизни в страхе провести».

Дослушав до этого места, Баланда вырвал письмо из рук Гурова, пояснив:

– Дальше только личное, читать необязательно.

– Выходит, не померещился Санюре тип в «кожанке», – задумчиво протянул Гуров.

– Вы о нем уже слышали? – встрепнулся Баланда. – Так чего же не ловите?

– Больно ты шустрый, – осадил его Крячко. – Чтобы в столице человека отыскать, одной «кожанки» мало.

– Что-то мне это оторванное ухо напоминает, – задумчиво проговорил Лев. – Надо бы по базе его пробить. Сдается мне, по нашим базам он должен проходить, наколки на пальцах это подтверждают. Но сначала нужно решить, что с вами делать, гражданин Баландин. И чего ради вы из колонии сбежали? Могли бы начальнику о письме рассказать, он бы уж нашел способ передать нам эту информацию. А так только неприятности себе нажили.

– Плевать! Вы, главное, найдите его, – произнес Баланда, – а уж я свое отсижу.

– Вот кадр! Ему срок за побег «светит», а он тут хорохорится, – покачал головой Крячко.

– А вы бы о себе думали, если бы с вашей сестрой такое произошло? – огрызнулся Баланда. – А с начальником колонии брататься – себя не уважать.

– Ладно, ладно, остынь! – осадил его Станислав. – Вернешься в колонию, по-другому запоешь. Сам понимаешь, вернуться тебе придется. Пока посидишь у нас, а мы твоему начальству сообщим, что явился с повинной. Думаю, учитывая обстоятельства, зверствовать они не станут.

Баланда не ответил. Гуров вызвал дежурного с нарядом, сдал им Баландина, а сам отправился к капитану Жаворонкову. Через полчаса у него на столе лежала распечатка с фотографией бугая в «кожанке». Им оказался некий Николай Якимкин, больше известный как Коля-Тесак. Некогда он был «шестеркой» у знаменитых на всю Москву братьев-кидал Сямы и Плешика. По сведениям полиции, братья давно уже перебрались из столицы за рубеж. Какое-то время куролесили в Америке, потом «засветились» в Германии, после чего исчезли из поля зрения московской полиции. Что касается Коли-Тесака, так тот вообще числился покойником. Как выяснилось, сведения полиции по этому вопросу были неверные. Минимум два человека были свидетелями того, что Коля-Тесак живет и здравствует.

– Не нравится мне все это, – обеспокоенно проговорил Гуров, откладывая листки в стопону. – Чует мое сердце, неспроста Коля-Тесак нарисовался в клинике.

– Это уж точно, – поддержал его Крячко. – Знать бы, что за интерес привел его в столицу после стольких лет безвестности.

– Боюсь, без Сямы и Плешика тут не обошлось, – предположил Лев. – Помнится, раньше Коля-Тесак без команды братьев шагу ступить не мог. Вряд ли в этом отношении что-то кардинально изменилось. А раз в деле замешаны Сяма и Плешик, простой поимкой Тесака тут не обойдется.

– Что думаешь предпринять? – спросил Стас.

– Понятия не имею. Для начала нужно выяснить, как Коля-Тесак в клинику попал. Вход на территорию Центра осуществляется строго по пропускам, значит, нужно найти того, кто этот пропуск ему выписал и под каким именем. Вчера я проштудировал списки, полученные в клинике, но Николай Якимкин там не числится.

– Коля не дурак под своим именем регистрироваться, – заметил Крячко. – Что же нам, всех посетителей лично опрашивать придется?

– Надо будет, опросим, – ответил Гуров. – Но сначала еще раз побеседуем с доктором Завьяловым и с Альбертом Константиновичем. Как знать, может быть, кто-то из них вспомнит Якимкина. Предъявим фото, посмотрим на реакцию, а уж потом будем всех из списка трясти.

– Охрану тоже будет не лишним опросить. У Коли-Тесака внешность колоритная. Вдруг охранники запомнили фамилию с пропуска? – предложил Крячко.

– Поехали в клинику, – подытожил Гуров.

Оба полковника поднялись с мест и направились к выходу. Ехать решили на машине Гурова. Спустя час машина остановилась у центральных ворот клиники. Первым из салона

вышел Крячко и сразу направился к будке охраны. Немолодой грузный охранник нехотя вышел навстречу.

– Добрый день, господа. Вы к Альберту Константиновичу? – вежливо поинтересовался он, узнав посетителей.

– И вам не хворать, – поздоровался Крячко. – Пропуск потребуете?

– У вас свой пропуск, – пошутил охранник. – А вообще, у нас с этим строго.

– Это хорошо, когда строго. Вот мы сейчас и проверим, насколько точно вы инструкции выполняете. Вот этого господина помните?

Крячко вынул фото Коли-Тесака и предъявил охраннику. Тот внимательно взгляделся в снимок и ответил:

– Был такой. Несколько раз приходил, родственника навещал.

– Кого именно? – спросил Гуров, присоединяясь к напарнику.

– Да разве ж я помню? – удивился вопросу охранник. – Наше дело маленькое: наличие разрешения на вход проверить, отметить в журнале, и все дела. А к кому да зачем пришел посетитель, не наше собачье дело. Тут у нас знаете какие тузы иной раз бывают? Опять же анонимность. Настоящих фамилий пациентов нам знать не положено.

– Откуда тогда знаете, что он родственника навещал? – спросил Крячко.

– А кого еще? К нам на экскурсию не ходят. И за консультацией не приезжают. Раз пришел, значит, родственник тут лежит, – ответил охранник.

– Тузы нас мало интересуют, – заметил Гуров. – Нам бы выяснить, кто подписывал пропуск этому господину. Или фамилию самого посетителя узнать. Это возможно?

– Сомневаюсь, – покачал головой охранник. – Имя врача, выписавшего пропуск, мы не фиксируем. Да и посетителей по фамилиям не запоминаем. Можно попробовать вычислить по времени. Этот ваш, с фото, в субботу вечером был. Субботних посетителей не так уж много. Сходить за журналом?

– Не стоит. Эта информация у нас имеется, – отказался Гуров и задал новый вопрос: – Главврач на месте?

– Альберт Константинович? Здесь он, где ж ему быть. Доложить о вас?

– Сами доложим, – остановил его Крячко. – Открывай ворота.

Охранник поспешно поднял шлагбаум. Гуров сел за руль и погнал машину на стоянку. Крячко предпочел пройтись пешком. На крыльце они встретились. Для ускорения процесса сыщики решили разделиться. Гуров направился к главврачу, а Крячко вызвался побеседовать с Завьяловым и Ухтомцевым.

Дверь в кабинет главврача оказалась открытой. Гуров вошел без стука. Альберт Константинович сидел за рабочим столом, просматривая какие-то бумаги. Подняв голову и увидев полковника, он вежливо улыбнулся и произнес:

– Снова вы? А я как раз вам звонить собирался. По поводу человека в кожаной куртке. Помните, вы просили узнать, нет ли подобной одежды у наших сотрудников.

– Рад, что вы не забыли. И как успехи?

– Великолепно! Минимум четыре сотрудника носят подобный вид верхней одежды. Я подготовил вам список.

Покопавшись в бумагах, Альберт Константинович протянул полковнику небольшой листок. Гуров мельком взглянул на фамилии, указанные в списке, и убрал его в карман. Альберт Константинович наблюдал за его действиями с нескрываемым любопытством.

– И это все? Разве вам не интересно, кто из них был в субботу в клинике? – удивился он.

– Это подождет. Взгляните лучше на фото, вам знаком этот человек? – произнес Лев, протягивая Альберту Константиновичу снимок Коли-Тесака.

Главврач взял фотографию двумя пальцами, поднес к свету и сделал вид, что внимательно его рассматривает. Гуров не сводил с него глаз, но по лицу Альберта Константиновича

было непонятно, знаком ли ему портрет. А вот рука подвела. Гуров успел заметить, что она слегка задрожала. Или ему померещилось? Отложив снимок, Альберт Константинович осторожно спросил:

– Кто это?

– Вы не ответили на мой вопрос, – заметил Гуров.

– Какой вопрос? – переспросил главврач, поднимая глаза на полковника.

– Знаете ли вы этого человека.

– Возможно, и видел когда-то. Через меня столько людей проходит, всех не упомнишь.

– Этого вы бы точно запомнили, разве нет? Внешность у него уж больно запоминающаяся.

– Нет. Я его не знаю, – ответил главврач и в свою очередь поинтересовался: – Вы подозреваете его в убийстве Леночки?

– Мы подозреваем, что этот человек был в клинике в день убийства Елены Баландиной, – ответил Гуров. – А еще мы предполагаем, что он и есть тот человек в кожаной куртке. Случайно не вы выписывали ему пропуск на территорию Центра?

– Вот тут вы явно ошибаетесь, – поспешно ответил Альберт Константинович. – Этому человеку я пропуск не выписывал. Ни в субботу, ни в другой день.

– Откуда такая уверенность? Минуту назад вы утверждали, что через вас проходит столько людей, что запомнить всех нет никакой возможности, – напомнил Лев.

– Тех, кому я выписываю пропуск, я помню, – заявил главврач.

– Тогда кто мог это сделать?

– Понятия не имею, но, если вы оставите мне фото, попытаюсь выяснить. Сегодня уже поздно, большинство врачей закончили прием. А завтра с утра я соберу весь лечащий состав, предъявлю снимок и задам нужный вопрос. Устроит вас такой вариант?

– Вполне, – согласился Гуров. – О результатах сообщите по телефону. Можете звонить на мой сотовый.

Он продиктовал номер, и Альберт Константинович старательно записал его на листке настольного календаря.

– Сегодня к нам вернулся наш пациент, – откладывая ручку в сторону, сообщил главврач. – Александр Храпов. Полагаю, подозрения с него сняты?

– Правильно полагаете, – кивнул Лев.

– У вас есть предположения, как орудие убийства попало в бокс Храпова? – продолжал расспросы главврач.

– Скорее всего, это сделал сам убийца. Хотел запутать следствие, направить по ложному следу, – объяснил Гуров. – И это наводит на определенные мысли.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Альберт Константинович.

– А вы сами порассуждайте, – предложил Лев.

– Я думаю, это говорит о том, что убийца должен был хорошо знать правила клиники, – начал Альберт Константинович, как будто только и ждал этого предложения. – Он знал, что некоторые боксы не закрываются на ночь. Знал, что после семи вечера пациенты свои палаты не покидают. Знал и о том, что большинство из них до отбоя практически лишены слуха, в силу того, что им не разрешается слушать музыку и смотреть телевизор без наушников. Поэтому и действовал свободно. Проникнуть на третий этаж незамеченным постороннему тоже проблематично. Вывод напрашивается сам собой.

– И какой же из всего этого вы делаете вывод, позвольте полюбопытствовать? – скрывая иронию, спросил Гуров.

Он уже понял, куда клонит Альберт Константинович, но хотел услышать подтверждение своим догадкам из уст самого главврача. Тот смущенно откашлялся и как бы нехотя заявил:

– Не далее как вчера ваш коллега задержал доктора Завьялова. Сегодня я узнал, что его выпустили. Мне показалось это странным.

– На Завьялова у нас ничего нет. Алиби у него железное, следов кровавого деяния на нем не обнаружено. Экспертиза ничего не выявила.

– И тем не менее он, как никто другой, подходит на роль убийцы, – настаивал Альберт Константинович. – Он знает специфику работы клиники изнутри. У него свободный вход во все помещения. Увидев его в манипуляционной, Леночка не была бы ни удивлена, ни напугана. А уж вооружиться скальпелем для хирурга проблем и подавно не составляет.

– Быть может, вы и мотив укажете?

– Почему бы и нет? Леночка весьма красивая девушка, но взглядов придерживается довольно строгих. Я слышал, Завьялов подкатывал к ней с непристойным предложением. Она ему отказала, но он решил настоять на своем. Вполне вероятно, что в стремлении добиться своего начал ей угрожать. Хотел взять девушку силой, но перестарался. Вот вам и результат. Девушка убита. Что оставалось делать незадачливому ловеласу? Он подстроил себе алиби и благодаря этому избежит правосудия. – Высказав свое предположение, главврач вопросительно взглянул на Гурова.

– Хорошая версия, но неверная, – возразил тот.

– Напрасно вы так думаете, – осуждающе покачал головой Альберт Константинович. – Я бы на вашем месте не стал торопиться с выводами. К тому же вы сами рассказали мне о его «подвигах» в другой клинике. Это ли не повод задуматься?

– А человек в кожаной куртке как в вашу теорию вписывается? – поинтересовался Гуров.

– Дался вам этот человек, – досадливо поморщился главврач. – Мало ли их тут ходит? Он даже в здание не входил. Стоял себе в саду, курил, дерево подпирал. Быть может, просто никак не мог решиться уйти и оставить своего родственника, находящегося у нас на излечении, одного. Для нашего заведения подобные случаи не редкость. Привезут пациента, а потом целыми днями тут околачиваются. Им так легче пережить психологический стресс, возникающий на фоне чувства вины.

– И в чем же они чувствуют себя виноватыми? – не понял Лев.

– В том, что сдали свою кровиночку чуть ли не в тюрьму, – объяснил Альберт Константинович. – У нас ведь для пациентов правила строгие. Сами видели: и боксы одиночные, и питание в палаты доставляют, и свобода передвижения ограничена. Из развлечений только видеотека и музыка, да и та ориентирована на определенный вкус. Многим родственникам приходится оказывать не меньше внимания, чем самим пациентам. Уверяю вас, кандидатуру Завьялова никак нельзя сбрасывать со счетов. Лично я собираюсь отказать ему в месте хирурга.

– Вот как? И на каком основании? – ледяным тоном проговорил Гуров.

Почувствовав его недовольство, Альберт Константинович поспешил «реабилитироваться».

– Нет, конечно, если все обвинения с него будут сняты, я не стану ставить препон. Работник он неплохой и специалист отменный. Но ведь следствие еще не завершено, кто знает, как дело обернется? – зачастил он. – Вы не подумайте, я ничего против Завьялова не имею. Ничего личного, только забота о репутации клиники. Вы же понимаете, как важна безупречная репутация для такого заведения, как наше. Просто держите меня в курсе, если это не противоречит вашим правилам, хорошо?

Отвечать Гуров не стал. Оставил фото Коли-Тесака, напомнил, что о результатах опроса лечащих врачей следует доложить незамедлительно, попрощался и ушел. Он решил подняться на третий этаж и задать кое-какие вопросы профессору Ухтомцеву. Пройдя половину пути, вдруг вспомнил, что не выяснил, кто из врачей, имеющих право выписывать пропуски, в данный момент находится в клинике, и решил вернуться.

Подходя к кабинету, Лев замедлил шаг. Дверь кабинета была прикрыта неплотно, и оттуда доносился взволнованный голос Альберта Константиновича. Истерические нотки в его голосе и заставили Гурова задержаться у двери.

– Говорю вам, это выходит за все мыслимые рамки. Еще немного, и все накроется, – говорил Альберт Константинович. – Нет. Не сказал. Но он мог сам догадаться... Да не знаю я, о чем он думает! Он со мной не особо откровенничал... Его выпустили! Нет, думаю, насовсем. А что я мог сделать?

Позади Гурова раздался грохот. Он вздрогнул и оглянулся. В коридоре появилась санитарка. Гремя ведрами, она прошла в туалет, не удостоив Гурова взглядом. Шум напугал не только полковника. Из кабинета донесся приглушенный голос главврача:

– Не могу больше говорить. Да. Ко мне пришли. Хорошо. До вечера.

Гуров поспешил удалиться до того, как хозяин кабинета обнаружит его подслушивающим у дверей. Быстро взбежав на третий этаж, он вошел в кабинет профессора Ухтомцева. Крячко тоже был там. Взглянув на полковника, он озадаченно спросил:

– Ты что, привидение увидел?

– Не сейчас, – остановил его Лев. – Ты с опросом закончил?

– Так точно. Фото предъявлено доктору Завьялову, профессору Ухтомцеву и еще двум лечащим врачам, в данный момент находящимся в клинике, – отрапортовал Крячко.

– Отлично. На сегодня мы закончили. Пора возвращаться в Главк, – поторопил его Гуров. – Результаты обсудим по дороге.

Недоуменно пожав плечами, Станислав наскоро попрощался с Ухтомцевым и поспешил вслед за Гуровым на автостоянку.

Глава 7

В кабинете генерала Орлова сидели трое. Сам генерал, Гуров и Крячко. Они только что вернулись из клиники. По дороге Гуров передал Крячко разговор с главврачом и высказал свои сомнения на его счет. Выслушав его, Станислав согласился с тем, что поведение Альберта Константиновича вызывает подозрения. Теперь они пытались убедить в своей правоте генерала.

– На каком основании я буду требовать разрешения на прослушку телефона главврача? – в очередной раз задал вопрос генерал.

Разговор длился уже добрых полчаса, но с места так и не сдвигался.

– Согласен, явных оснований у нас на это не имеется, – терпеливо убеждал Гуров. – Но косвенных хоть отбавляй. Во-первых, его утверждение, что лицо Коли-Тесака ему не знакомо, – это стопроцентная ложь. Уж в этом-то я разбираюсь. Во-вторых, мне непонятно его стремление повесить убийство на своего сотрудника. Ты же сам знаешь, Петя, что в подобных ситуациях начальство всеми правдами и неправдами пытается выгородить подчиненных. А тут – наоборот. Радовался бы, что ведущий хирург клиники оказался непричастен к убийству. Так нет, он трижды повторил, что уверен в виновности Завьялова. И потом, эта история с домогательством Елены шита белыми нитками. Нам известно, что у Завьялова действительно имеется любовница, но не Елена.

– Кто же тогда? – спросил генерал.

– Операционная сестра Камилла Войнова, – охотно подсказал Крячко. – Девушка фигуристая, да к тому же покладистая. Зачем Завьялову нарываться на неприятности, добиваясь взаимности от недотроги, когда в его распоряжении такая краля? Ты бы ее видел, Петя. Королева красоты!

– Допустим, ты прав, – вынужден был согласиться Орлов. – Тогда главврач мог просто перепутать имена медсестер. Ему донесли, что Завьялов подбивает клинья к медсестричке, а после убийства у него сложилась неверная ассоциация с этим словом, только и всего. Медсестра Леночка или медсестра Камиллочка. Легко перепутать, если не особо вдаваться в детали.

– Нет. Перепутать он не мог по той простой причине, что сам не пропускает ни одной юбки, – возразил Гуров.

– Это из личных наблюдений? – спросил Орлов.

– Ухтомцев Стаса просветил. И кстати, к Елене Баландиной подбивал клинья как раз главврач. Вот я и думаю, что он свою историю на Завьялова примерил и нам рассказал. Не всю, конечно, оставил только затравку. Дело тут наверняка не в банальных мужских домогательствах, но ключевой фигурой я вижу именно главврача. Поэтому-то и прошу приставить к нему «наружку» и испросить разрешение на прослушивание телефона.

– Опять двадцать пять, – вздохнул Орлов. – Ты ведь не отстанешь, пока своего не добьешься, так, Лева?

Гуров молча кивнул.

– Ладно, будь по-твоему. Отдавай распоряжение по поводу наружного наблюдения, а я попытаюсь решить вопрос с «прослушкой». Но смотри, если твоя интуиция на этот раз подведет, не сносить тебе головы, Лева.

– Я готов, – довольный результатом разговора, согласился Гуров. – Если что, то моя голова в вашем распоряжении, товарищ генерал. А заодно и Стасову голову берите.

– А мою-то с какого перепугу? – шутливо возмутился Крячко. – Лично моя интуиция молчит.

– Напомнить тебе, кто втравил нас в эту историю? – проговорил Гуров. – Кому в воскресный день дома не сиделось? Хотел помочь другу, вот и помогай.

– Шутки шутками, а дело вы затеваете действительно серьезное. Главный врач коммерческой клиники – это вам не бабы на базаре. За просчет и погон лишиться можно, – посерьезнев, произнес генерал. – Да что уж теперь. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Отправляйтесь домой, ребята. Отдыхать тоже нужно. Посмотрим, что принесет нам наблюдение за вашим Альбертом Константиновичем.

Для слежки за Альбертом Константиновичем Гуров выбрал двоих ребят из Управления. Им на смену пришлось брать районных оперов. Начальник районного отдела заверил, что выделит на это дело самых сообразительных парней, и полковнику пришлось довольствоваться его заверениями. После того как оперативники уехали, Гуров и Крячко битых два часа пытались разобраться в накопившейся информации по убийству Елены Баландиной, большей частью анализируя свои ощущения, но так ни к какому выводу и не пришли. Оба сыщика сходились лишь в одном: смерть девушки как-то связана с делами клиники, и Альберт Константинович явно пытается что-то скрыть. На этом было решено оставить попытки до появления новых фактов. Собрав всю имеющуюся по клинике информацию, Гуров отправился домой. Крячко последовал его примеру.

Сутки было тихо. Ребята из наружного наблюдения докладывали о перемещениях Альберта Константиновича непосредственно Гурову. Ничего необычного пока не происходило. Во вторник Альберт Константинович из клиники отправился сразу домой и находился там до самого утра. В девять выехал на работу. Никуда по дороге не заезжал. Пробыл в клинике до семи. Посетителей не принимал.

Ближе к обеду позвонил Гурову, доложил о результатах опроса лечащих врачей. Как Лев и предполагал, никто из врачей в выдаче пропуска не признался. Зато Альберт Константинович «порадовал» его новой историей о возникновении пропуска. Он предположил, что незнакомец воспользовался «липовым» пропуском или же попросту выпросил его у кого-то из постоянных посетителей, и посоветовал искать того, кто мог подделать пропуск. Гуров сделал вид, что отнесся к предложению главврача серьезно. На этом разговор был окончен.

Прослушка телефона пока тоже ничего не дала. Трижды за день Альберту Константиновичу звонила жена. Дважды он звонил ей сам. Остальные звонки касались работы и подозрений не вызывали. К десяти вечера среды Гуров уже подумывал о том, что напрасно потревожил генерала, когда пришло сообщение о неопознанном звонке странного содержания. Звонок поступил после двадцати двух часов. Звонивший не представился, сказал лишь: «Это я», – на что Альберт Константинович отреагировал испугом.

Гуров решил лично прослушать запись разговора и, невзирая на поздний час, отправился в Главк, куда доставили запись. К его удивлению, генерал тоже был на месте.

– Доброй ночи, полковник, – поздоровался он и приказал лейтенанту включать запись. – Все в сборе. Вместе и слушаем.

Лейтенант нажал кнопку «пуск», и из динамика донесся хриплый голос:

«Это я».

«Зачем вы звоните? – испуганный голос Альберта Константиновича. – Знаете же, какая сейчас ситуация в клинике».

«А меня это не колышет, – грубо оборвал его хриплый голос. – Или ты решил нарушить договоренность?»

«Нет, конечно. Но придется повременить. Нужно переждать какое-то время, пока все не утрясется», – начал Альберт Константинович, но хриплый голос снова оборвал его:

«Никаких «переждем». Товар нужен в срок, тебе ясно? Выкручивайся, как хочешь. Я из-за тебя, ссыкуна, башки лишаться не собираюсь».

«Из-за меня? – возмутился Альберт Константинович. – Разве это я устроил так, что полицейские днюют и ночуют в клинике?»

«А не ты, что ли? Забыл, чей косяк? – выдал хриплый голос. – Короче, пасть заткни и готовь товар к сроку».

«Да как я смогу-то? Говорю же, полиция кругом», – застонал Альберт Константинович.

«Ладно, помогу тебе еще раз, – почти добродушно прохрипел незнакомец. – Завтра жду тебя, где всегда. Покумекаем, как быть. Жди звонка».

На этом разговор прервался. Гуров взглянул на генерала.

– Твоя взяла, полковник, – хмыкну Орлов. – Теперь и я вижу, что дела в клинике творятся нечистые. И твой Альберт Константинович тот еще фрукт. Как думаешь, хрипатый – это Коля-Тесак?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.